СВЕТЛАЯ
И ТЁМНАЯ ДУГИ,
ОБРАМЛЯЮЩИЕ
ЗЕМНОЙ ШАР
С НАВЕКИ
ИЗЪЯТОЙ ИЗ ЕГО
СЕРДЦЕВИНЫ
ЧАСТЬЮ,
ОЗНАЧАЮТ
ГОРЬКИЕ ПОТЕРИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В ДО ОСНОВАНИЯ
ПОТРЯСШЕЙ ЕГО
МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

Повести о человечности

АЛЬМАНАХ «СУДЬБЫ»

ИЗ СЕРИИ «БЫВШИЕ УЗНИКИ ФАШИЗМА ЗАГОВОРИЛИ»

№ 1

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ АЛЬМАНАХА!

Всё дальше во времени уходят исторические события Великой Отечественной войны, всё меньше среди живущих остается число её прямых участников и свидетелей. Тем ценнее становятся мысли, слова, рассказы, повести, стихи, песни, интервью, статьи живых представителей того военного поколения, справедливо названные народом поколением победителей. Среди 27 млн жертв наших соотечественников от начала вторжения в СССР нацистской Германии и её союзников до полной капитуляции и Великой Победы есть особая категория жертв – малолетние узники фашистских концлагерей, гетто, тюрем, маршевых колонн. По предварительным оценкам, только один ребенок из десяти оставался живым, пройдя через концлагерные застенки. История всех войн на протяжении тысячелетий не знала подобной трагедии детей.

На долю малолетних узников фашизма, оставшихся живыми, выпала ответственная задача – быть последними свидетелями бесчеловечных фашистских преступлений в Великой Отечественной и Второй мировой войне, сохранить и передать память о жертвах новым поколениям. Общечеловеческая цель этой миссии – не допустить новой Третьей мировой войны. Опасность её подготовки и развязывания теперь связываются с неофашизмом и неонацизмом практически тех же сил, что и тогда, в первой половине XX века. Острие той войны и военные приготовления и акции первой четверти XXI века опять направлено на восток – против России, русского мира и русской цивилизации.

Малолетние жертвы фашизма несли и несут важную для всех людей мысль – война и детство несовместимы, преступления против детей, геноцид детей – бесчеловечны, не имеющие срока давности. Мы, члены союзов малолетних узников фашизма, выражаем надежду, что у нашего Альманаха будут новые номера, несущие читателю глубинные мысли о войне и мире, о жертвенности и героизме детей, о необходимости спасения детей и детства, о сохранении чистоты и святости детства во имя мирной и счастливой жизни будущих поколений.

Председатель МСБМУ,
член-корреспондент РАН *Н.А. Махутов*

Международный Союз бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ)
Общероссийская общественная организация
«Российский Союз бывших несовершеннолетних узников
фашистских концлагерей» (РСБНУ)

Повести о человечности

АЛЬМАНАХ «СУДЬБЫ»

ИЗ СЕРИИ «БЫВШИЕ УЗНИКИ ФАШИЗМА ЗАГОВОРИЛИ»

№ 1

Улан-Удэ · 2026

УДК #####
ББК #####
###

Благотворительный фонд «Газета «Судьба»»
состоит в Федеральном реестре
«СОНКО – исполнители общественно-полезных услуг»

Проект «Перекличка выживших и уцелевших жертв
геноцида советского народа в период
Великой Отечественной войны 1941-1945 годов»

Синегрибов Л.
Повести о человечности. Альманах «Судьбы» №1. / Синегрибов Л. – Улан-Удэ: Издательство АО «Республиканская типография», 2026. – 88 с.

Документальные истории выживания в концлагерях, освобождения из плена, возвращения на родину и утверждения в гражданских правах советских детей, особо пострадавших от преследований нацистов в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

ISBN 978-5-91407-488-0

УДК #####
ББК #####

© Л. Синегрибов, 2026

В.А. ВАНУКЕВИЧ

ОСВЕНЦИМ
В СУДЬБЕ МОЕГО ОТЦА

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ

Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти.

Д.С. Лихачев, «Письма о добром и прекрасном», – Москва; Издательство АСТ, 2026, стр. 151

ОТ АВТОРА

Во время посещения «Музея на Троицкой» на родине моего отца в городе Гродно (Беларусь) в ноябре 2012 года, мне запомнились слова, произнесенные основателем и директором музея Б.Э. Ерузалимом: «Человеческая память не имеет генетической основы. Если не писать и не создавать музеи, то можно потерять целый культурный пласт».

Поэтому предложение Леонида Кирилловича Синегрибова, председателя Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей» (РСБНУ) и создателя уникальной газеты «Судьба», о подготовке очерка о моем отце, А.С. Ванукевиче (1929-2018), для готовящегося издания «Повести о человечности», в нашей семье было воспринято с глубокой благодарностью.

Также, как члены нашей семьи, Л.К.Синегрибов, сам переживший в детстве ужасы фашистских концентрационных лагерей и лично знавший моего отца по работе в РСБНУ, хорошо понимает, что судьба каждого конкретного человека, в том числе судьба моего отца – бывшего узника гродненского гетто, гестаповской тюрьмы города Катовице, концлагерей смерти Освенцима, Гросс-Розена и Нордхаузена, нашедшего в себе силы и мужество, оставшись сиротой, пережить тяжелые послевоенные годы, получить прекрасное образование в престижном столичном вузе и сделать успешную профессиональную карьеру, отражает в себе судьбу целого поколения советских людей, переживших

А.С. Ванукевич. Освенцим, 2007 год

Великую Отечественную войну. Неразрывность прошлого, настоящего и будущего диктует необходимость сохранения письменной, документальной памяти о каждом человеке как на уровне семьи, так и на уровне всей страны.

Отец прекрасно осознавал связь времен и необходимость сохранения исторической памяти. Пережитое в детстве и юности никогда не оставляло его: на протяжении более чем 50 лет он собирал и анализировал материалы, относящиеся к Холокосту и к периоду Великой Отечественной войны, переписывался с бывшими узниками фашистских концлагерей и, пользуясь любыми возможностями, оказывал им всестороннюю поддержку, выступал в периодической печати, а также издавал книги воспоминаний, в которых воспроизвел некоторые моменты тех трагических дней и ночей.

На протяжении многих лет, особенно в последний, московский период жизни отца, я часто сопровождал его на различных мемориальных мероприятиях, встречах с бывшими несовершеннолетними узниками фашистских концлагерей и их освободителями, присутствовал при его многочисленных интервью СМИ и видеосъёмках для документальных фильмов. Поэтому в предлагаемом очерке акцент будет сделан на событиях и воспоминаниях, которые предопределили весь жизненный путь отца, которые казались ему наиболее значимыми в его биографии, о которых он рассказывал в интервью и своих книгах.

Наиболее эмоциональные воспоминания отца я воспроизведу в хронологическом порядке по его последней прижизненной книге «Страницы нашей жизни» *(Ванукевич А.С., Власова Е.И., Володарский А.В. и др. – М.: Издательство «Триумф», 2017. – 200 с.)*, а также по другим его публикациям. В связи с этим, в качестве реального автора настоящего очерка следует считать моего отца; моя роль, возможно, в качестве соавтора, сводится к отбору и комментариям тех эпизодов биографии героя очерка, которые могли бы заинтересовать читателей, пожелавших увидеть некоторые страницы истории нашей страны глазами человека, многое пережившего и до конца дней сохранившего приверженность гуманистическим ценностям и оптимистический взгляд в будущее.

И еще одно предуведомление: большую часть жизни отец прожил в стране, которая называлась Союз Советских Социалистических Республик и которой он безмерно гордился, для процветания которой прилагал всю свою энергию, знания и профессиональный опыт, вне зависимости от географического местоположения предприятий и организаций, в которых он учился и трудился на протяжении более пятидесяти лет. С учетом географического фактора хронологические аспекты биографии отца будут воспроизведены в привязке к городам, к жителям, традициям и культуре которых он проникся глубоким уважением и симпатией. Вполне естественно, что к этим городам – Гродно, Москве, Душанбе, Самарканду и Полтаве в нашей семье сохраняется особое отношение, ведь в них жил, учился и работал мой отец и дед моей дочери.

НАЧАЛО ИСТОРИИ
1929 – 1945 гг.

Биография человека, его индивидуальная история жизни представляет собой череду сменяющих друг друга временных периодов, характеризующихся возрастными, психологическими и другими особенностями. При этом важнейшие ценностные и мировоззренческие основы личности человека формируются в периоды «детства, отрочества и юности». Биографию моего отца, с одной стороны, можно считать типичной биографией миллионов детей и подростков, переживших ужасы войны и тяготы послевоенного времени. С другой стороны, биография каждого конкретного человека – это уникальная история и уникальный опыт. Биография моего отца сложилась таким образом, что свой уникальный опыт, предопределивший всю его дальнейшую историю жизни, он приобрел в детском и подростковом возрасте в гродненском гетто, гестаповской тюрьме в Катовице и концлагере Освенцим.

Отец родился в Гродно 22 декабря 1929 года в семье портного и домохозяйки, он был третьим, младшим ребенком в семье (в скобках замечу, что любовь к этому прекрасному городу и благодарность к людям, с которыми он там познакомился в разные годы, отец пронес через всю жизнь и передал мне: дважды побывав в Гродно, я также проникся к этому прекрасному городу и его жителям глубокой симпатией). С самого раннего возраста он помогал своему отцу, имевшему швейную мастерскую. До начала Великой Отечественной войны успел окончить только пять классов, при этом учился в еврейской, польской и белорусской школах. Поскольку в период с октября 1920 года по сентябрь 1939 года Гродно находился в составе Польши, проводившей активную полонизацию местного населения, отец хорошо знал польский язык, что в дальнейшем пригодилось ему в общении с польскими заключенными в Освенциме.

Как вспоминал отец, после вынужденного закрытия мастерской в 1939 году жизнь семьи Ванукевичей коренным образом изменилась: глава семьи пошел трудиться портным на табачную фабрику, где шил мешки для табачного сырья; чтобы достойно содержать семью ему после работы на фабрике приходилось шить по заказу верхнюю одежду, – он очень много работал и был для детей образцом трудолюбия.

Война мгновенно оборвала мирную жизнь: ночью 22 июня 1941 года город подвергся бомбежкам, а уже на второй день войны фашисты заняли город Гродно. Для жителей, прежде всего евреев, составлявших значительную долю горожан, началась дорога в ад.

Отец вспоминает: «Сначала евреям запретили ходить по тротуарам, и мы ходили лишь по мостовой. Затем поступило распоряжение о том, чтобы все евреи на верхней одежде носили желтую звезду Давида,

и вскоре после этого нас согнали в специально оборудованное гетто. Это небольшие городские районы, окруженные колючей проволокой. В гетто я провел вторую половину 1941 года и весь 1942 год».

Но самое страшное для моего отца и его родителей началось в конце 1942 года, когда оставшихся в живых обитателей гетто начали отправлять в концлагерь Освенцим. Узников гетто загоняли в товарные двухосные вагоны, в каждый из которых погружали до 125 человек, вынужденных ехать стоя. Из-за тесноты и смрада, отсутствия пищи и воды уже на второй день в вагоне было много трупов.

Отец вспоминает: «На перегоне Варшава – Катовице поезд шел с большой скоростью, неумолимо приближалось место прибытия – концлагерь Освенцим. Собрав последние силы, люди сорвали колючую проволоку с окошек и начали выбрасывать из них нас, детей, надеясь таким образом спасти от гибели. Этот момент я не забуду никогда, как и последние поцелуи матери и отца, которыми они одарили меня, прощаясь со слезами на глазах. Родители в это время были в полуобморочном состоянии, как и все ехавшие в вагоне. Мои ноги находились уже вне вагона, когда я услышал последнее прощальное слово матери: «Живи». Я упал под откос, а поезд ушел дальше. К счастью, было много снега, в него я и свалился при падении из вагона».

После того, как отец пришел в себя, очнувшись в сугробе и наевшись снега, события разворачивались в не менее драматическом ключе: он сорвал с одежды желтые звезды, но на шлеме-буденовке осталась красная звезда – именно она привела его в гестаповскую тюрьму в Катовице после того, как его обнаружили польские шуцполицаи (Schutzpolizei, сокращённо – шупо – охранная полиция в Германии) и передали в руки гестапо.

Я много раз слушал выступления отца на различных мемориальных мероприятиях, в которых он рассказывал о самых драматических эпизодах своей жизни в неволе, и каждый раз меня восхищала его стойкость, проявленная в столь раннем возрасте, способность в невероятно жестоких условиях концлагерей сохранять самообладание и взаимодействовать с узниками - участниками антифашистского подполья.

Обратимся к воспоминаниям отца, относящихся к этому периоду его жизни: «Страшные муки начались для меня в гестаповской тюрьме в городе Катовице. Это была первая проба моих сил на чужбине в одиночестве, без родителей и родных. Думать о том, как жить, приходилось самому. Мне уже в то время хотелось отомстить фашистам за родителей, родных и близких, за многочисленные жертвы первых лет войны. Я ненавидел фашистов. Ведь все расстрелы, уничтожение мирного населения проходили у меня на глазах. Было страшно видеть, как вешают людей, как забивают специальными плетками до смерти. Бесчинство фашистов особенно участилось во второй половине 1942 года.

Гестаповская тюрьма в польском городе Катовице была оборудована по всем правилам. Камеры были одиночные и многоместные, в них только нары и параши, темно, сыро. Питание скудное, допросы ежедневные. Эта гестаповская тюрьма, как и многие другие, была перевалочным пунктом, откуда дорога вела в концлагерь. Содержались здесь в основном лица, подозреваемые в антигитлеровской деятельности, политические противники нацистской Германии. Попадали туда и некоторые военнопленные офицеры, комиссары, партизаны и члены их семей, иногда и простые люди, не приемлющие «новый порядок».

Меня поместили в камеру, где сидели поляки. Среди них были ученые, политики. Сразу же при первом знакомстве они стали учить меня, как вести себя на допросах. И затем ежедневно готовили к тяжелым допросам. Мое алиби было таковым: я заблудился в лесу, отстал от своих родителей и, пытаясь отыскать их, попал в руки полицаев, которые сдали меня в гестапо. Мои родители белорусы. Знаю польский язык, ибо до 1939 года учился в польской школе. Отец родом из Варшавы, фамилию не менял. Последнее время мы жили в городе Гродно. Я жестко держался этой легенды, несмотря на побои, запугивания и издевательства. Несколько раз меня на носилках приносили в камеру после допроса. Периодически узников из тюрьмы увозили, одних на расстрел, других на каторгу. Большая часть моих друзей - однокамерников попала в Освенцим, куда был направлен и я 1 февраля 1943 года. В тюрьме я впервые почувствовал силу человеческой солидарности, взаимопомощи, дружбы между людьми, судьбы которых находились в руках гестапо. Чем только нас не пугали. Например, показывали гильотину в действии, когда отсекается голова живого чело-

века. Страшно было смотреть на судороги, видеть кровь и страдания жертвы. Там я научился переносить побои гестаповцев, воспитывал в себе ненависть к врагам и мучителям. Двухмесячные тюремные муки подготовили меня к более тяжелым испытаниям.

Первого февраля 1943 года я оказался узником лагеря Освенцим под номером 99176. Получив полосатую форму с номерами и деревянными колодками, я был направлен в блок для узников».

Отметим, что Освенцим (Аушвиц-Биркенау) был не только крупнейшим и наиболее долго просуществовавшим из нацистских лагерей уничтожения людей, но и источником даровой рабочей силы: прежде чем лишить жизни сотни тысяч людей, из них выжимали всю физическую силу, принуждая к каторжному труду на предприятиях, расположенных на прилегающих к нему территориях: так на практике реализовывался нацистский лозунг «Уничтожение посредством труда».

Отец продолжает рассказ о первых днях пребывания в лагере: «Сначала мы прошли карантин в блоке № 8, где нас учили «азбуке лагерной жизни»: строили в шеренги, мы шагали «в ногу», выполняли команды «рехтс ум», «линкс ум», «мютце ап», «мютце ауф», «шнеллер» и т.п. (направо, налево, снять шапку, надеть шапку, быстрее). Шагать в деревянных колодках на босую ногу было очень тяжело – мозоли и кровоточащие раны приносили много страданий.

Через две недели нас распределили по рабочим командам в разные блоки. Некоторое время я находился в блоке № 24 (чердак). Везде были трехэтажные нары, соломенные матрацы, тонкие одеяла. Режим был таким: ранний подъем, «кава» (так называемый «кофе»), аппельплац, проверка, отправка на работу. Днем – снова проверка и особый аппельплац. Вечером нас пересчитывали по блокам, и блоковые СС отдавали лично коменданту лагеря ежедневный рапорт. Стоять приходилось очень долго, ибо пересчитать и свести воедино 25-30 тысяч узников было нелегко». Отец рассказывал, что за время нахождения в Освенциме его еще несколько раз перемещали по разным блокам, часть заключения он провел в блоке № 18.

Весь ужас и трагизм первых дней пребывания в Освенциме описан многими узниками, пережившими фашистский геноцид. В дополнение к отцовским воспоминаниям приведу лишь воспоминание

В Освенциме Толя находился под номером 99176. На фото от 1 февраля 1943 года, полученного из музея Освенцима, указаны его лагерный номер и дата поступления в концлагерь.

А.Ф. Лебедева, русского военнопленного, который был почти на двадцать лет старше моего отца:

«Первые дни в Освенциме нас захлестнула волна ужаса. А может, это сон, помешательство, загробный мир? Потом устанавливали, что мы еще живы и вполне психически нормальны. Многие проклинали день своего рождения, религиозные переставали верить в бога – его действительно нет, иначе он не допустил бы такого на земле. Режим истребления был разработан с изуверской точностью, психологически выверен. Всеми способами и средствами – подавить волю и мысль. Палки капо, пуля и кнут эсэсовца, и смерть, смерть от голода, каторжного труда, болезней. Человек становится только номером, ничтожеством, судьба которого всецело в руках палачей. Он отвыкает от имени. Только номер: на блоке и команде, у бачка с баландой, в крематории». *(Лебедев А.Ф. «Солдаты малой войны». Записки Освенцимского узника. – Издание третье, доработанное, – М: Государственное издательство политической литературы, 1961).*

Как вспоминал отец, все трудоспособные с точки зрения лагерного начальства узники, включая детей, привлекались к принудительным работам, нетрудоспособных ожидали газовые камеры и крематорий. Его направили в строительные мастерские учеником маляра, других

малолетних узников – учениками электрика, кровельщика, сантехника. Дети работали рядом со старшими узниками, готовыми всегда и во всем помочь.

За время пребывания в Освенциме отец неоднократно оказывался на грани жизни и смерти, подвергаясь допросам, избиениям и пыткам. Старшие узники после этого оказывали всю возможную поддержку, которая ему была жизненно необходима: подкармливали, лечили, пытались укрепить стойкость и моральный дух. Со временем он стал догадываться о том, что в лагере существует антифашистское подполье: детей, в том числе моего отца, привлекали в качестве связного для оповещения узников.

Отец рассказывал, что подпольщики использовали его знание польского, русского и белорусского языков, направляя в те или иные блоки, для передачи или получения какой-либо информации. Благодаря этому он встречался с поляком Юзефом Циранкевичем, познакомился с русскими военнопленными Виктором Андреевичем Липатовым (лагерный номер 128808) и Александром Федоровичем Лебедевым (лагерный номер 88349), одним из организаторов сопротивления советских военнопленных.

Будучи, пусть и преждевременно повзрослевшим, но все же ребенком, отец не мог иметь полной информации о деятельности антифашистского подполья; об организации его деятельности мы узнаем «из первых рук» от А.Ф. Лебедева, написавшего пронзительно правдивую книгу «Солдаты малой войны. Записки Освенцимского узника»: «Подпольная антифашистская организация советских офицеров, постепенно распространяя свое влияние, вела активную работу. Вскоре сложился центр – руководящее ядро организации. Его никто не выбирал и не утверждал. В самой борьбе выдвинулись наиболее стойкие и авторитетные товарищи. Политическая обстановка в лагере была чрезвычайно сложной, напряженной. Действовали десятки подпольных групп: немецкая, австрийская и чешская коммунистические, польская - социалистическая, националистические, социал-демократические, анархистские, сионистские и другие. Разные идеологии, взгляды, но все эти группировки объединяла солидарность в борьбе с фашизмом. Однако действия их были разрознены и не носили характера активного сопротивления. Из этой обстановки и вытекали задачи нашей подпольной организации, методы работы. Основной и ударной задачей мы считали: объединение всех антифашистских сил в лагере, сохранение и вывод из-под угрозы смерти советских людей, и прежде всего офицеров, организация диверсий и побегов, подготовка к вооруженной схватке с эсэсовскими палачами, правдивая информация о международных событиях и о положении на фронтах, организация контрпропаганды. Одной из первейших и постоянных забот подпольной организации было: любыми средствами уберечь кадры, сохранить жизнь людям, отвести от них неумолимый закон Освенцима – физически ослабевшему – смерть!».

Наиболее драматический эпизод в лагерной жизни отца связан с его поимкой у главных ворот лагеря с батонами колбасы за поясом: к помощи детей старшие узники прибегали в случаях, когда возникала возможность пронести из бойни, куда доставлялись отобранные у жителей близлежащих деревень домашние животные, к работе на которой привлекались команды узников Освенцима, сала, колбасы или иных продуктов, необходимых для поддержания жизни наиболее истощенных узников. Он так об этом рассказывал: «Я выполнял поручение узников: во что бы то ни стало необходимо доставить колбасу в лагерь для поддержания больных. Долго меня готовили к этому – примеряли, обвязывали веревками, и казалось, что никто и никогда ничего не заметит. Но либо кто-то донес на меня, либо просто собака унюхала мой груз. Когда я проходил главные ворота лагеря, меня вытащили из шеренги и повели на аппельплац, где постоянно стояли виселицы, станок для избиения. Меня поставили на табуретку под виселицей и приказали держать колбасу в руках. Так я стоял несколько часов, ожидая смерти.

Мне трудно передать словами то, что я пережил в те часы, это невозможно сделать. Узники блока № 18, с которыми я жил, были уверены в моей гибели. Но свершилось чудо, я так считаю. В тот вечер проверка затянулась на многие часы. Возможно, проводились незапланированные акции сожжения узников концлагеря в связи с подходом большого количества транспорта, и крематории не справлялись с работой. Разъяренный и слегка пьяный комендант лагеря Рудольф Гесс

подошел ко мне и, начав избивать своей плеткой, кричал: «швайне», «ферфлюх-те швайне» – свинья, проклятая свинья. Я упал, колбаса вместе со мной, я пытался подняться, но удары сбивали меня с ног, и я снова падал. Так продолжалось некоторое время. Наконец, избиение прекратилось. Может быть, Р. Гесс уже выполнил свой план работы, изрядно устал? Но он вдруг криками «ляус, шнеллер», погнал меня на блок, где мое место еще пустовало.

Мои страдания, а затем избавление от смерти, в которое никто не верил, запомнили многие узники, особенно стоящие близко от места действия, около виселицы, в колонне блока № 18. Сам я тоже долго не мог поверить в случившееся чудо. Позднее, Юзеф Циранкевич, подойдя ко мне, похвалил за мужество. Подобных эпизодов в лагерной страшной жизни случалось много».

Одним из свидетелей сцены истязания моего отца явился узник, военнопленный и активный участник антифашистского подполья Виктор Андреевич Липатов, ранее познакомившийся с моим отцом в момент, когда старшие узники подкармливали малолетних неучтенной баландой. Много лет спустя, работая над своей последней книгой, отец написал: «Недавно перечитал прекрасную книгу воспоминаний «В паучьих когтях свастики...» *(Липатов В.А. В паучьих когтях свастики... Художественно-документальная повесть. – Уфа: Башкирское издательство «Китап», 1996 – 416 с.)*, написанную Виктором Андреевичем Липатовым. Еще раз восхитился стойкостью и мужеством узников – людей разных национальностей, организовавших подполье в лагере смерти, пытавшихся помочь выжить больным и обессилившим, вселявших в нас силы и уверенность в том, что фашизм будет уничтожен, а мы, малолетние узники, увидим свободу. С особым волнением перечитал страницы, содержащие рассказ В.А.Липатова о нашем знакомстве в лагере, об опеке, которую осуществляли советские и польские военнопленные над малолетними узниками».

По мере победоносного продвижения советских войск на запад, фашисты начали перемещать сохранивших работоспособность узников концлагерей на запад. В августе 1944 года узников Освенцима на железнодорожных платформах отправили в направлении Бреслау (Вроцлав). Там находился концлагерь Гросс-Розен, узники которого в

горах добывали камень. Отец вспоминал: «Условия были жестокими, охранники-власовцы свирепствовали хуже фашистов. За малейшее нарушение избивали до смерти. Устраивались специальные акции – подъем тяжелых камней снизу вверх по узкой тропинке. При малейшей неосторожности вся шеренга узников с камнями летела вниз, а охрана их расстреливала. Климат в горах часто менялся: то снег, то дождь, то заморозки. Плохое питание и отсутствие медицинской помощи уносили все больше жизней. У меня на шее от тех лет остались шрамы от фурункулов, разрезали их обычно лезвием бритвы и лечили мочой. В Гросс-Розене мы пробыли с августа 1944 по февраль 1945 года.

Война приближалась к концу, а по приказу Гитлера уничтожали всех узников концлагерей, используя любые средства. Нас в очередной раз перегнали в концлагерь Нордхаузен, известный также как Дора или Дора-Миттельбау. На этот раз наш лагерь был спешно оборудован на базе пустующего самолетного ангара. Территорию обнесли колючей проволокой, вырыли дзоты, поставили ворота. На работу уже не выводили, кормили один раз в день неочищенной брюквой. Мы спали на бетонном полу, а утром обнаруживались очередные трупы. Наступил победный 1945 год. У фашистов уже не было никаких шансов. Они свирепствовали, особенно ожесточенно мучая узников.

В Нордхаузене мы пробыли немногим более двух месяцев. За это время пережили американскую бомбежку (в начале апреля 1945 года), два побега, и только 11 апреля 1945 года нас освободили американские войска. Мы были истощены до предела, при взвешивании во Франкфурте-на-Одере я весил 15 кг 300 г., а было мне тогда 15 лет. Врачи приложили много усилий, чтобы вывести нас из дистрофии. В советской зоне мы пробыли около трех месяцев, и на автомобилях с прицепленными походными кухнями нас доставили в город Ковель».

Еще раз представив себе, через какие тяготы пришлось пройти моему отцу в возрасте 12 - 15 лет, осознаю глубокий смысл посвящения, сделанного великим гуманистом и писателем, тонким знатоком детской и юношеской психологии Альбертом Анатольевичем Лихановым на экземпляре своего романа «Оглянись на повороте, или Хроника забытого времени» *(Лиханов А.А. Оглянись на повороте, или Хроника забытого времени. – М.: ООО «Издательский, образовательный и куль-*

турный центр «Детство. Отрочество. Юность»». – 2017. – 330 с.): «Дорогому Анатолию Самуиловичу, настоящему герою минувшей войны и мальчику из Освенцима, история которого рождает чувство великого сострадания!».

ГРОДНО
1945 – 1949 гг.

По воспоминаниям отца, возвращение в Гродно растянулось на много месяцев: за этот период он прошел ряд проверок как в Германии, так и в Гродно. Свой первый паспорт он получил в 1946 году. Начался новый, насыщенный яркими событиями период жизни, о котором он всегда вспоминал с особым воодушевлением.

Первые часы возвращения в Гродно и первые события, во многом предопределившие его дальнейшую судьбу, так запечатлелись в памяти отца: «От железнодорожного вокзала я пошел пешком по центральной улице Ожешко, свернул на свою улицу. Многие довоенные здания и строения уцелели, и все они казались мне маленькими, однообразными. С особым чувством постоял у бывшей крохотной мастерской отца и деревянного двухэтажного дома, где прошло мое детство.

Первое, что запомнилось мне навсегда, это встреча у калитки нашего дома. Не успел я ее отворить, как залаяла собака дворничихи и тут же начала меня облизывать. Я окончательно поверил в то, что вернулся домой. Дворничиха, пани Ядвига, сразу же меня признала, привела к себе на квартиру, накормила и многое поведала о жизни на оккупированной фашистами территории. От нее я узнал, что в нашей квартире вся мебель на месте, что уже четвертый год в ней живет пани Стефания Щурковская. Раньше с ней жила и ее дочь, но уже несколько лет она живет в Варшаве. Пани Ядвига повела меня в нашу квартиру, я сразу узнал и буфет, и шкаф, и меченые наши стулья. Пани Щурковская доброжелательно отнеслась ко мне и даже предложила жить в одной из комнат нашей бывшей квартиры.

Памятная встреча у меня произошла в августе 1945 года в семье полковника Матвея Кислика, проживающего в то время в нашем доме.

Общаясь с этой семьей, я приобрел много ценного жизненного опыта. Эта семья переехала из Минска. Сам полковник М. Кислик прошел всю войну и после победы оказался в Гродно, занимал там высокий армейский пост. Именно эта семья окружила меня уютом в первые дни моего возвращения из фашистских застенков. Они часами внимательно выслушивали мои рассказы, его жена Анна и сыновья Александр и Валерий подружились со мной, и мы вместе проводили много вечеров. Они, по сути дела, определили мою судьбу, ибо по решению полковника М. Кислика я был определен в ученики повара ресторана «Неман», где директором в ту пору был демобилизованный офицер Ананий Фомич Белов. Забегая вперед, хочу отметить, что наша с ним дружба продолжалась в течение многих лет и оборвалась в связи с его кончиной в возрасте 92 лет.

Хлопоты семьи Кисликов увенчались успехом – мне была возвращена квартира родителей. Порой было жаль пани Щурковскую, которая впоследствии уехала к дочери в Варшаву. Живя некоторое время в одной квартире с этой благородной женщиной, я восстановил знания польского языка, приобщился к литературе, культуре. Квартира родителей и многие сохранившиеся в ней предметы быта напомнили мне о прошлом, о нашей жизни в довоенной Польше. Рассказы пани Щурковской, мои собственные воспоминания и ощущения снились мне по ночам. Я порой бредил во сне, выкрикивая фашистские команды «шнеллер», «мюце ауф», «мюце ап» и другие. Чтобы помочь мне выйти из этого состояния, пани Щурковская пригласила психолога, экстрасенса. Я благодарен этой женщине за ее доброту, за повседневную помощь мне в период 1945 - 1946 годов».

Итак, в 1945 году началась трудовая деятельность отца в ресторане «Неман» на улице Энгельса, дом 20, по соседству с родительским домом. Ресторан располагался в старом здании с элементами стиля модерн постройки 1904-1911 годов. Первоначально в этом здании располагался отель «Рояль», позднее первый этаж занимал ресторан, который в разное время носил названия «Рояль», «Аврора», «Неман», «Гродно», «Белосток». С 1947 года, продолжая трудиться в ресторане, работа в котором начиналась с 12 часов, в утренние и вечерние часы отец принялся навёрстывать пробелы в образовании: поступил в седь-

мой класс вечерней школы рабочей молодежи, затем в строительный техникум и в 1949 году сдал экзамены экстерном за 10-й класс.

Отец вспоминает: «В нашем ресторане работали 10 бывших военных, и они выделялись своей дисциплинированностью, умением дружить. Постепенно я приобретал профессиональные знания и навыки на работе. Старшие сослуживцы щедро делились со мной своим опытом. Я был не единственным учеником повара. Со мной работали Женя Денисенко, Саша и Виктор Храмковы. Первые мои учителя – шеф-повара Гвоздев Петр и Яковлев Владимир старались научить нас основам технологии приготовления блюд. Сплоченность коллектива, помощь опытных мастеров в изучении теории и освоении практики помогли мне уже в 1946 году сдать экзамен на разряд. Работая в ресторане «Неман», я жадно учился поварскому искусству. В ту пору мне казалось, что это – основная специальность, так необходимая людям. Уже в мае того же года меня перевели на должность повара. Работали мы много и дружно, порой по 10 - 12 часов в сутки. Ресторан «Неман» пользовался хорошей репутацией, качество блюд и их ассортимент постоянно улучшались. Мы внедряли новые блюда из мяса, птицы, рыбы. В конце 1946 года я сдал экзамены в Минске, где комиссия присвоила мне квалификацию повара первой категории. За период с 1945 по 1949 год я получил много благодарностей и почетных грамот, а в 1948 году приказом министра торговли СССР Жаворонкова В.Г. от 29 октября 1948 года № 766 я был награжден значком «Отличник социалистического соревнования министерства торговли». Это была моя первая награда за труд. Я был удивлен, потому что не ожидал такой высокой оценки моего труда в ресторане «Неман». Это была моя первая победа на трудовом фронте».

Инициативность, стремление к профессиональному росту и высокая требовательность к себе предопределили стремительное продвижение отца: за короткий период он прошел путь от ученика повара до заведующего производством. Видя в молодом человеке потенциал дальнейшего профессионального роста, педагоги и старшие сослуживцы убедили отца в необходимости продолжить учебу; он последовал их совету и стал усиленно готовиться к поступлению в московский вуз. Однако, при отъезде на учебу появилась проблема

при увольнении с работы в ресторане «Неман»: никто из сотрудников не желал принимать на себя ответственность за материальные ценности. Все-таки, отцу удалось уговорить молодого тогда повара, Анну Ивановну Скоробогатову, стать заведующей производством, при этом он уехал в Москву для сдачи вступительных экзаменов, не сняв с себя ответственность за все материальные ценности. Как вспоминал отец, Анна Ивановна оправдала его надежды и стала несменяемым в течение 15 лет заведующим производством ресторана «Неман».

МОСКВА
1949 - 1954 гг.

Летом 1949 года по направлению министра торговли Белоруссии Виктора Ильича Выходцева отец поехал в Москву для сдачи вступительных экзаменов в один из старейших и престижных вузов экономического профиля – Московский институт народного хозяйства (МИНХ) имени Георгия Валентиновича Плеханова. Сразу после успешной сдачи экзаменов он вернулся в Гродно, чтобы сложить с себя ответственность за материальные ценности и получить полный расчет. По воспоминаниям отца, из Гродно его провожали всем коллективом ресторана, сослуживцы высказали много теплых напутственных слов; в ответ отец пообещал обязательно оправдать их доверие. Свои напутствия сослуживцы сопроводили материальной поддержкой, обеспечив отца продуктами питания, одеждой и деньгами, что очень ему помогло в начальный период жизни в Москве.

В институт отец был зачислен на технологический факультет (по специальности «Технология и организация общественного питания»), пройдя серьезный конкурс, получил место в общежитии в корпусе «В» на ул. Зацепа, 43, стал студентом первого курса известной «Плехановки», в которой приобрел не только высокую профессиональную квалификацию, но и близких друзей, с которыми поддерживал связи до конца жизни. Годы учебы в «Плехановке» для отца навсегда остались одним из самых ярких и плодотворных периодов в его жизни, он

очень гордился тем, что высшее образование получил именно в этом престижном вузе.

Из своей студенческой жизни отец вспоминал:

«Наш поток численностью 125 человек представлял собой группу хорошо подготовленных выпускников школ Москвы и других городов Союза. Я был единственным студентом, имеющим стаж практической работы в системе общественного питания и отмеченным значком «Отличник социалистического соревнования министерства торговли». Впервые я использовал факт наличия этого значка, когда добивался места в общежитии. Но прежде меня вызвали к ректору института. Он посмотрел мои документы. Выяснилось, что мне положены льготы, в том числе и при предоставлении общежития. Я тогда впервые рассказал ректору о своей судьбе и пребывании в концлагерях. С тех пор ректорат оказывал мне помощь, а я старался быть не только успевающим студентом, но и активным общественником. После первой сессии декан нашего факультета профессор Александр Николаевич Вышелесский вызвал меня на беседу и поручил ряд общественных заданий, назначив меня при этом старостой всего потока. Пришлось значительно повысить требования, в первую очередь, к себе, чтобы иметь моральное право как-то влиять на других.

Будучи студентом первого курса, я познакомился с профессором Я. Фельдманом, заведующим кафедрой. Он проживал тогда с семьей в общежитии института. Мы часто встречались, вместе проводили время, беседовали. Однажды во время беседы с ним я рассказал ему о своей судьбе. Он предложил мне попробовать встретиться с писателем И.Эренбургом. Я ему ответил, что пройдет время и я напишу сам о пережитом. Позже я много раз сожалел об этом отказе. Уже в студенческие годы я стал больше интересоваться проблемой гитлеровских концлагерей, начал собирать материалы, вел с перерывами дневник.

Начиная со второго года обучения в институте, я проживал в комнате, где нас было четверо: Григорий Зеленков, Владимир Концевой, Самуил Гинцбург и я. В комнате всегда был порядок, мы готовили себе горячую пищу, как правило, обедали и ужинали вместе. Я часто получал посылки от А. Скоробогатовой из Гродно, которые помогали нам питаться вполне сносно и к тому же вкусно. Это я уж умел делать.

Размер стипендии тогда колебался на 1-5 курсах от 22 до 44 рублей, это были очень небольшие деньги, и потому нам приходилось подрабатывать на речном и железнодорожных вокзалах Москвы. Жили мы скромно, но питались всегда вовремя. Каникулы, зимние и летние, я проводил в Гродно, где работал в ресторане.

Как известно, учеба в ВУЗе заканчивается защитой дипломного проекта. Я старался использовать свои практические умения и знания. Запомнились мне все три учебные практики – ознакомительная, технологическая и преддипломная. Все они проходили в Москве, на самых передовых предприятиях. Стажировка в ресторанах «Москва» и «Савой» позволила мне создать реальный проект ресторана-заготовочного предприятия на 750 мест в г. Минске. Это был один из самых объемных проектов нашего выпуска: 350 страниц основного текста и 17 листов чертежей. Руководитель проекта и 5 консультантов во многом мне помогли, и я успешно защитил диплом 12 июня 1954 года. В студенческие годы мне легко давались черчение и начертательная геометрия, поэтому я легко справился с графической частью своего проекта, а затем помогал своим однокурсникам».

Отец до конца своей трудовой деятельности оставался верным выбранной еще в 1945 году сфере применения своей энергии и таланта: все, что относилось к общественному питанию – от экономики и организации предприятий общепита, технологических процессов, оборудования, подготовки кадров и методического обеспечения их деятельности, включая разработку рецептур и регламентов, написания книг по кулинарии для широкого круга читателей – всегда было в центре его внимания и профессионального интереса.

Также до конца жизни отец сохранил приверженность «Плехановке», своей альма-матер. На протяжении многих лет он поддерживал тесные взаимоотношения с выпускниками «Плехановки», принимал участие в мемориальных мероприятиях, проводимых МИНХом, и, будучи сам крупным специалистом в сфере экономики и организации общественного питания, сохранял благодарность преподавателям этого ВУЗа (многих из них он считал корифеями в своих дисциплинах), которые сформировали его как специалиста, нацеленного на самостоятельную, инициативную и эффективную работу.

ДУШАНБЕ

1954 - 1963 гг.

Судьба сложилась таким образом, что мальчик из Белорусского города Гродно, получивший высшее образование в Москве, всю свою трудовую жизнь провел в Душанбе, Самарканде и Полтаве. Города были разными, но требования к своей профессиональной компетенции, где бы ни работал отец, всегда были на самом высоком уровне: окончив ВУЗ, молодой специалист получил такой импульс к дальнейшему саморазвитию, который позволял ему до вполне почтенного возраста оставаться ценимым и востребованным специалистом.

Получив высшее образование, отец был направлен на работу в столицу Таджикистана город Душанбе (до 1961 года – Сталинабад); время в пути поездом из Москвы в Душанбе составило долгих семь суток.

Прямо с вокзала молодой специалист направился в Министерство торговли Таджикской ССР, где состоялась его первая встреча с заместителем министра торговли республики Матвеем Борисовичем Шинделем, опытным специалистом и мудрым человеком, прошедшим всю Великую Отечественную войну. Первая же беседа, из которой отец узнал, что он один из первых в республике специалистов с высшим образованием в сфере технологии и организации общественного питания, ознаменовала собой начало многолетнего сотрудничества, основанного на глубоком взаимном уважении: М.Б. Шиндель сразу же высоко оценил профессиональный потенциал отца и его моральные качества, и на протяжении первых лет его трудовой деятельности оказывал ему поддержку в адаптации к местным условиям и устройстве быта. Отец высоко ценил всестороннюю помощь и советы своего руководителя, старался оправдать его доверие.

Примечательно, что уже в первые месяцы работы отца в Таджикистане, М.Б. Шиндель своим приказом разрешил ему в рабочее время два часа в день читать лекции в техникуме и училище, а также консультировать в проектном институте технологическую часть проектов по общественному питанию: отрасль общественного питания переживала стадию роста, требовались квалифицированные специалисты, которых было необходимо готовить из местных кадров.

А.С. Ванукевич с супругой Анной, 1956 год.

Сочетание практической работы на производственных предприятиях с преподавательской и консультационной деятельностью на долгие годы стало одним из основных принципов работы отца.

Обосновавшись в гостинице в ожидании скорого предоставления служебного жилья, и приступив к активной профессиональной деятельности, отец задумался о создании семьи. Некоторое время спустя после его приезда, в Таджикистан приехали на работу выпускницы Московского техникума советской торговли, в том числе Анна Муравская, которая по направлению была назначена инспектором в трест «Общепит», где отец приступил к работе в качестве инженера-технолога. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, и уже в 1955 году они поженились. В 1956 году в молодой семье родился я – соавтор этого очерка, Владимир, а в 1959 году родилась моя сестра Ольга. Сначала семья получила однокомнатную квартиру в ведомственном одноэтажном десятиквартирном доме на окраине города Душанбе, а затем в 1956 году – трехкомнатную квартиру в центре столицы. Союз моих родителей оказался долгим и счастливым, в согласии и взаимном уважении они прожили 52 года.

Хорошо помню приезды в Душанбе моего дяди, Станислава Муравского (который был на десять лет старше меня), студента, затем дипломата, в совершенстве знавшего китайский язык. Многие события в жизни Станислава были связаны с моим отцом, об этом он так вспоминает: «Человек без родителей, сирота смог стать близким для всех

нас. Его научил этому концлагерь, он выжил и хотел, чтобы в других обстоятельствах выжили все. В этом его сила, может быть причина долгих лет жизни. Бог все видит».

Но вернемся к воспоминаниям отца, относящимся к душанбинскому периоду:

«В Таджикистане проживало тогда много русских и украинцев, а также немцев, армян, евреев и татар. Все жили, наравне с таджиками и узбеками, в мире и согласии. Местные жители весьма уважительно относились ко всем приезжавшим специалистам. По национальному обычаю таджики и узбеки считали всех нас гостями и готовы были хорошо накормить, показать прекрасные места отдыха, поделиться всем, что у них было. Естественно, в те послевоенные годы местное население жило бедно, однако они были вдалеке от бомбежек, фашизм был остановлен далеко от границ республики. За годы войны Таджикистан приютил многих эвакуированных из Белоруссии, Украины, Кавказа; эти специалисты оказали большую помощь республике в развитии промышленности, сельского хозяйства, строительства жилья, сети дорог. Таджикская земля очень богата своими природными ископаемыми, гидроресурсами, знаменита хлопком, овощами, фруктами.

Однако материальная база предприятий торговли и общественного питания республики была весьма примитивна. Преобладали чайханы, где основным оборудованием были овальный котел (казан), мангал для жарки, тандыр (печь для выпечки). Естественно, ассортимент блюд был весьма ограничен, полностью отсутствовали холодные закуски, сладкие блюда, кондитерские изделия».

Так что, многое приходилось начинать с нуля. Отец вспоминал, что в те годы он с коллегами впервые добились централизованного выделения оборудования, транспортных средств, посуды, стройматериалов. Создали группу строителей, проектно-сметное бюро, мастерские по обслуживанию весового хозяйства и различного оборудования. Вскоре появились новые для данного региона типы предприятий общественного питания – кафе, диетические, студенческие, школьные, рабочие столовые, закусочные с национальной кухней, а также новые современные чайханы, рестораны, павильоны, киоски и так далее.

Уже в конце 1954 года отцу поручили принять участие в спецобслуживании руководителей самого высокого ранга. По случаю торжеств, посвященных 25-летию образования Таджикской Советской Социалистической Республики, в столицу региона город Душанбе прибыл заместитель Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгин. В то время в Душанбе даже не было помещения, где можно было бы организовать банкет на 120-150 человек. Организаторам пришлось демонтировать кабины операторов в здании государственного банка республики, расположенного в центре города, расставить и накрыть столы на 150 человек, а пищу готовить на базе ресторана «Вахш». Впервые отец участвовал в подготовке и проведении банкета такого уровня.

Вспоминал, что спецзаказ высокого гостя на завтрак, переданный организаторам накануне вечером, включал овсяную кашу, севрюгу отварную под белым соусом, кефир, фрукты, булочные изделия, чай, сладости. Все продукты были в наличии, за исключением овсяной крупы. Овес в Таджикистане не культивировали, местное население овсяную крупу не потребляло. Слетать за ней в Москву уже не успевали, так как перелет тогда длился 32 часа и сопровождался пятью остановками, да и до ближайшего российского региона тоже было далеко. Объездили весь город, крупы нигде не нашли, осталась одна надежда на «Заготзерно». Отец вспоминал: «Образец овса мы все же нашли, измельчили и сделали пробную варку. Утром решили вбить в эту кашу жидкий омлет для объема, и получилась она воздушной, как пунш. А.Н. Косыгин съел ее с удовольствием и спросил, кто готовил такую прекрасную кашу. Ему ответили – молодой специалист. С тех пор овсяную кашу мы стали называть «Косыгинской», затем – «Королевской». До сих пор эта каша есть в меню ресторанов и ее готовят с добавлением яиц, тыквы, фруктов и прочих ингредиентов.

Прием тоже прошел на высоком уровне, и я получил благодарность и подарок за обслуживание этого значимого для Душанбе мероприятия».

Отца продвигали по службе, вскоре назначили начальником производственного отдела, затем – директором ресторана «Вахш» и заместителем директора треста общественного питания Душанбе.

Используя теоретические знания, полученные в институте, свой практический опыт, отец с коллегами разработали специальные программы по развитию треста и предприятий питания в городе. В тресте был создан сильный аппарат, хороший актив, часто проводились семинары, тематические выставки, организовывались специальные курсы по обучению практических работников. Готовили кадры из среды местной молодежи, затем направляли их на обучение в Ташкент и Самарканд. К ним на практику стали приезжать молодые специалисты из техникумов и ВУЗов – это был хороший резерв для треста.

В частности, работники треста близко познакомились с сотрудниками технологического факультета Самаркандского кооперативного института Центросоюза. В трест стали регулярно направлять на практику студентов этого ВУЗа. Вскоре многие специалисты по распределению охотно ехали на работу в Душанбе, где им помогали с трудоустройством, жильем и прочими проблемами. Вскоре почувствовали очевидную отдачу: благодаря молодым и активным кадрам, предприятия общественного питания треста активно развивались, расширялся ассортимент, реально повысилось качество обслуживания. О тресте заговорили не только в республиканских органах, но и в других республиках Средней Азии и даже в других регионах Советского Союза.

В период работы в Таджикистане у отца сложился круг близких друзей, с которыми он продолжал поддерживать связи, покинув Душанбе. Многих из них я знал лично, это достойные люди, также как и отец, самостоятельно сделавшие успешную карьеру в различных сферах. В этот «интернационал» входили: немцы Альберт Оттович Леонгардт и Лев Федорович Фрицлер, татарин – Леонид Васильевич Бахтияров, русский – Юрий Васильевич Снеговский, таджик – Зайнитдин Исаевич Бахридинов, армянин – Игорь Григорьевич Самвелов, евреи – Матвей Борисович Шиндель и Михаил Шлямович Гутенберг.

Завершая рассказ о душанбинском периоде жизни отца, приведу еще один яркий эпизод его воспоминаний:

«В феврале 1959 года мы приняли участие в спецобслуживании делегатов Первого съезда хлопкоробов в Москве. Группа питания Кремля была доукомплектована ведущими специалистами из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, Казахстана, Азербайджана и Армении. Кроме того, мобилизовали поваров и официантов из московских ресторанов. Почти две недели мы готовились к обслуживанию приема-банкета на 2,5 тысячи человек, столы накрывали в девяти залах. Всего на спецобслуживании работало 320 поваров и почти 500 официантов. В ассортименте значилось 30 видов холодных закусок европейских кухонь и 15 горячих блюд национальных кухонь – шашлыки, манты, пловы, самбусы (пирожки), лепешки и другие блюда. Для этого мероприятия были изготовлены специальные мангалы для жарки и глиняные тандыры для выпечки лепешек и самбусы. Установлены специальные котлы для варки мантов (больших пельменей) и плова. Банкет длился более пяти часов, все участники остались довольными, а для поваров затем накрыли стол в цехе для приготовления холодных закусок, где комендант Кремля генерал Н. Виденин лично поздравил всех присутствующих. Нас тоже очень хорошо и разнообразно угостили, а министр торговли Советского Союза Н. Павлов тут же в Кремле вручил нам значки «Отличник советской торговли» и именные золотые «Кировские» часы».

Свое 30-летие в 1959 году отец отметил в Душанбе. Его профессиональные и организационные качества уже к тому времени высоко оценивались многими работодателями, ему неоднократно предлагали перейти на другую работу, в том числе на педагогическую в Самарканде и учебу в аспирантуре. Однако по разным причинам это произошло только в мае 1963 года, когда отца назначили по конкурсу старшим преподавателем Самаркандского института, которому он посвятит 14 лет своей жизни.

Годы, проведенные в Душанбе, отец всегда вспоминал с особой теплотой. Он полюбил Таджикистан: здесь началась его успешная профессиональная карьера, здесь он создал семью, родились его дети (сын Владимир и дочь Ольга) и приобрел интернациональный круг близких друзей, со многими из которых я также был знаком.

Проработав на практической работе более девяти лет, он прошел все ступени роста и только после этого начал свою педагогическую и научную деятельность.

САМАРКАНД
1963 - 1977 гг.

Поскольку семья прочно обосновалась в Душанбе – в нашем распоряжении была благоустроенная трехкомнатная квартира в центре города, моя мать к тому времени окончила учебу в университете и работала завучем в техникуме советской торговли, я пошел в первый класс средней школы, а моя сестра Ольга ходила в детский сад – родители решили остаться жить в Душанбе.

Как сказали бы сейчас, отец стал активным участником маятниковой миграции: уже в 60-е годы население СССР имело доступ к современным транспортным средствам, позволяющим с большей свободой решать проблемы, связанные с трудоустройством. Отец начал еженедельно летать в Самарканд и обратно, сначала на самолетах Ил-14, позднее появились самолеты Як-40, время полета на которых по маршруту Душанбе - Самарканд составляло менее 30 минут.

Получив отличную характеристику Министерства торговли Таджикистана, отец, используя ранее накопленные деловые связи с технологическим факультетом Самаркандского кооперативного института, в 1963 году приступил к работе в должности старшего преподавателя кафедры экономики и организации общественного питания, которую в то время возглавлял доцент И.Н. Топоровский. Заведующий кафедрой сразу же поставил перед отцом задачу: в ближайшие годы он должен защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, ибо на тот момент на кафедре был лишь один доцент, что для одной из ключевых кафедр института было явно недостаточно.

Уже с сентября 1963 года отец начал читать лекции и готовить учебно-методические пособия по двум профилирующим курсам: «Организация предприятий общественного питания» и «Основы проектирования предприятий общественного питания». Отмечу, что в последующие годы отец уделял пристальное внимание организации учебного процесса в вузах, самостоятельно и в соавторстве со своими коллегами, многие из которых ранее были его учениками, издал десятки учебников и учебных пособий для вузов в различных издательствах, в том числе в московском издательстве «Экономика».

Одной из первых исследовательских тем, порученных отцу на новом рабочем месте, явилась «Разработка новых технологий и рецептур национальных кухонь». Отец всегда руководствовался принципом единства теории и практики, поэтому, пригласив к участию в работе двух ассистентов кафедры, на автомобиле отправился по маршруту Самарканд - Бухара - Термез - Душанбе - Ленинабад. Целями поездки были: встречи с местными опытными кулинарами; ознакомление с опытом работы предприятий общественного питания и потребсоюзов; сбор рецептов местных традиционных кухонь. За время сорокадневной экспедиции удалось собрать более 300 рецептов узбекской, таджикской, бухарской и уйгурской кухонь. В дальнейшем полученные данные были отработаны в лабораториях института и использованы для издания в 1967-1970 годах сборников рецептур, кулинарных книг и учебных пособий. По результатам выполненного исследования, признанного успешным и имеющим высокую практическую значимость, ректоратом института было принято решение о создании специализированной хозрасчетной лаборатории, руководство которой было поручено отцу.

Во время одной из конференций по проблемам развития общественного питания, проводимой в 1964 году в Самаркандском кооперативном институте, от маститого профессора из Москвы С.Б. Эдельмана отец получил предложение стать его аспирантом в Московском кооперативном институте (МКИ), головном ВУЗе Центросоюза. Отец вспоминает: «Я ответил – согласен, когда представить первый вариант? Таким образом, уже в 1964 году я начал работать над диссертацией: меня оформили соискателем в аспирантуре МКИ и утвердили тему «Организация и управление предприятиями общественного питания потребительской кооперации республик Средней Азии».

За 1964-1967 годы отец сдал необходимые экзамены кандидатского минимума и подготовил 400-страничную диссертацию, которую успешно защитил 9 января 1968 года в Москве на расширенном заседании ученого совета МКИ, членами которого в то время были доктора наук и профессора пяти московских ВУЗов.

Получив дипломы кандидата наук и доцента, отец продолжил свой карьерный рост: в 1968 году его избрали деканом факультета, через год – заведующим кафедрой, а в 1971 году утвердили в должности

А.С. Ванукевич с сыном Владимиром и Саиджоном Аминовым в период подготовки к выпуску книги «Таджикские национальные блюда». г. Душанбе, 1974 год.

проректора по научной работе, которую он занимал до перевода в октябре 1977 году в Полтавский кооперативный институт.

Работая проректором по науке, отец коренным образом изменил тематику исследований, взял курс на подготовку молодых ученых из числа своих выпускников. В институт были привлечены ведущие ученые страны для консультаций и руководства исследованиями по наиболее перспективным направлениям.

К своему сорокалетию, которое отец отмечал в Самарканде, он завоевал серьезный авторитет в среде своих коллег в качестве успешного организатора в сфере высшего специального образования, высококлассного инженера-технолога, автора многочисленных научных публикаций. Уже будучи студентом, в 70-е годы я неоднократно бывал у отца в Самарканде, познакомился со многими его коллегами по институту и каждый раз восхищался их искреннему, уважительному к нему отношению. Эту же картину позднее я наблюдал и в Полтавском кооперативном институте: отец располагал к себе людей высочайшим

профессионализмом, доброжелательностью, готовностью оказать содействие и помощь.

Могу с уверенностью сказать, что, проработав в Самаркандском кооперативном институте 14 лет, отец внес существенный вклад в формирование благоприятного имиджа этого ВУЗа и повышение его статуса в системе высшего кооперативного образования.

В середине 70-х годов родители стали задумываться о переформатировании своего быта: жизнь отца на два дома, его многочисленные командировки, с одной стороны, отъезд повзрослевших детей на учебу в Москву, с другой, привели к тому, что на семейном совете было принято решение о переезде в европейскую часть страны, поближе к детям. Кроме того, моя мать, родившаяся в Москве, не оставляла надежду вернуться в родной город.

Окончательное решение о переезде было принято в октябре 1977 года, когда отец получил предложение перейти на работу в Полтавский кооперативный институт Центросоюза. Это высшее учебное заведение, образованное в 1974 году на базе факультета Львовского торгово-экономического института, при поддержке Центросоюза СССР и под руководством своего первого ректора М.М. Дианича активно развивалось и нуждалось в притоке высококвалифицированных специалистов.

Покинув Среднюю Азию, отец до конца жизни не прерывал контактов с многочисленными друзьями, коллегами, выпускниками Самаркандского кооперативного института. И всегда сохранял благодарность всем тем, кто поддержал его в начале трудовой деятельности в Таджикистане, кто способствовал его приобщению к преподавательской и научной деятельности в Самарканде. И как можно не вспоминать лучшие, самые активные и плодотворные годы своей молодости, проведенные в Средней Азии!

ПОЛТАВА
1977 – 1999 гг.

Выбор Полтавы в качестве очередного места работы для отца не был спонтанным: еще в 1974 году Центросоюз предлагал ему работу во

вновь созданном в Полтаве кооперативном институте. К тому времени отец еще не завершил все задуманное в Самарканде, но в 1977 году, после повторного предложения, воспользовался им и был принят на работу в Полтавский кооперативный институт в порядке перевода из Самаркандского кооперативного института. Так начался новый этап в педагогической и научной деятельности отца, продлившийся 22 года.

С первых дней он активно включился в работу ВУЗа, занялся общественной деятельностью. Уже в январе 1978 года отец возглавил вновь созданную кафедру «Технология и организация общественного питания», которая сразу же зарекомендовала себя в качестве одной из флагманских в институте.

Поскольку отец продолжал работать в системе потребительской кооперации, стоит отметить, что Центросоюз СССР в то время уделял большое внимание вопросам подготовки своих кадров, в системе функционировали 8 вузов и 120 техникумов; материально-техническая база потребительской кооперации бурно развивалась, и в этот период Центросоюз решал крупные государственные проблемы, обслуживал до 40 процентов населения страны.

Отец, всегда отдававшийся порученному делу творчески и с высокой ответственностью, вскоре завоевал авторитет и уважение среди своих новых коллег, и Полтавский кооперативный институт на долгие годы стал для него вторым домом. Именно здесь, используя опыт, накопленный в Самаркандском институте, он сумел достичь новых успехов в педагогической, научно-исследовательской и общественной работе. Приведу оценку деятельности отца, данную одним из ветеранов Полтавского кооперативного института, бывшим проректором института по науке и заведующим кафедрой, доцентом Мирославом Алиманом:

«Профессора Анатолия Ванукевича знаю более 20 лет. Это высококвалифицированный, эрудированный, требовательный к себе и другим, беспокойный и заботливый человек. За годы работы в Полтавском кооперативном институте на его долю выпала честь, а с ней и тяжесть по формированию двух кафедр, которыми он поочередно руководил на протяжении 15 лет. При непосредственном участии профессора была создана научно-исследовательская лаборатория, где под его руководством проведены исследования более чем по двум десяткам хоздоговорных тем. Огромный вклад он внес в подготовку специалистов для потребительской кооперации: читал лекции, проводил практические занятия, руководил дипломными проектами.

С декабря 1989 года по август 1999 г. Анатолий Ванукевич являлся председателем Союза бывших малолетних узников фашизма Полтавской области (СБМУ). О масштабах работы на этом участке свидетельствуют данные о развитии этого союза: численность объединяемых в Союзе бывших малолетних узников увеличилась с восьми человек в 1989 году до 580 – 1997 году. Почти всем узникам он помог получить в 1993-1997 гг. денежную компенсацию, предоставленную Германией через Фонд примирения и согласия.

Профессор Ванукевич А.С. отличается гуманным отношением к людям. Много внимания уделяет воспитанию молодежи, щедро делится своим опытом и знаниями. Поддерживает тесную связь со своими воспитанниками – выпускниками института.

Его вклад в подготовку кадров и развитие отрасли общественного питания в стране высоко оценен. Он признан «Отличником высшего образования», «Отличником потребительской кооперации». «Отличником советской торговли» (дважды)».

Как выше отметил коллега и близкий друг моего отца М. Алиман, в рамках своей общественной деятельности отец глубоко погрузился в никогда не оставлявшую его тему, связанную с лагерным детством, Холокостом и последствиями Великой Отечественной войны.

Отец вспоминает: «После всесоюзного слета малолетних узников фашизма, состоявшегося 22 июня 1988 года в Киеве, мы, его участники, уже в декабре 1989 года создали свою полтавскую областную организацию – Союз бывших малолетних узников фашизма (СБМУ), председателем которой я был избран. Следует отметить, что к тому времени мною была собрана обширная информация по проблеме Холокоста, несколько раз я побывал в Освенциме. С директором музея Казимежем Смоленем были установлены дружеские связи, а также со многими бывшими узниками фашизма.

Ежедневно, наряду с работой в институте, я многие часы посвящал своей общественной работе в Союзе бывших малолетних узников фашизма. Коротко изложу основные направления нашей работы:

- поиск бывших узников фашизма, подготовка соответствующих документов, ведение учета, выдача удостоверений;

- проведение ежегодных собраний, конференций, посвященных дню освобождения узников (11.04), дню Победы (9.05), дню освобождения Полтавы от фашистов (23.09) и скорбной дате расстрела 8 тыс. евреев города (23.11);

- оформление документов для получения компенсации, выплачиваемой Германией в 1994-1997 гг., и оказания единовременной помощи через фонд Максимилиана Колбе, администрацию города и области;

- оформление документов для получения льгот через социальные службы области и обеспечение бывших узников фашистских концлагерей информацией (газетами, брошюрами, изданными воспоминаниями и т.д.).

Был сформирован актив СБМУ, установлены связи с центральным ее органом в Киеве, региональными организациями СБМУ на Украине, в России и Белоруссии. За эти годы я побывал на многих конференциях и встречах в Москве, Киеве, Одессе, установил переписку с музеями Израиля, Германии, Польши, в том числе, Освенцима.

Общая численность бывших малолетних узников фашистских концлагерей, проживающих в то время в Полтавской области, составляла около 600 человек. В 1991 году мы объединились со взрослыми узниками концлагерей. В этой организации – ОБАС (организация борцов антифашистского сопротивления), состояло около 300 бывших узников фашистских концлагерей и тюрем. Руководителем объединения стал хороший организатор, тоже бывший малолетний узник, Вязьмитинов В.П., а я – его первым заместителем.

В 1997 и 1998 годах я побывал в музеях жертв геноцида Израиля, Польши и Германии, встречался с лидерами фондов и ассоциаций, бывшими узниками фашистских концлагерей. Мы обменялись опытом по подготовке и проведению совместных мероприятий».

В полтавский период жизни отца произошло несколько особо значимых для него событий, к которым он возвращался в своих воспоминаниях.

Одно из них – поездка на родину, в Гродно, с супругой Анной в 1991 году. Отец вспоминает: «Я еще раз встретился с городом моего детства, выступил перед своими товарищами по несчастью, встретился с бывшим узником Освенцима – Тарасевичем Захаром Захаровичем, дал интервью газете «Гродненская правда» (7 августа 1991 года), выступил с лекцией перед коллективом работников госторговли и потребкооперации. Очень теплый прием устроили нам в бывшем ресторане «Неман», где я проработал почти 5 лет. Теперь он назывался «Белосток», его реконструировали и переоснастили. Новый директор ресторана «Белосток» Вдовенко Клавдия Григорьевна собрала всех старых работников этого ресторана – Александра и Виктора Храмковых, Бориса Кочнева, Анну Ивановну Скоробогатову и других. Было о чем вспомнить, ведь прошло 37 лет».

Второе важное событие в жизни отца того периода – посещение в 1993 году Государственного музея Аушвиц - Биркенау в Освенциме, имеет следующую предысторию. Работая деканом в Самаркандском кооперативном институте, в 1968 году отец направил на работу в Гродно одного из лучших выпускников Вольдемара Константиновича Петуха, ставшего впоследствии начальником областного управления общественного питания, и с которым у отца сложились дружеские отношения, продолжавшиеся на протяжении многих лет. Еще в 1965 году, будучи студентом Самаркандского кооперативного института, В.К. Петух побывал в Польше, посетил музей в Освенциме и по просьбе отца передал письмо директору музея Казимежу Смоленю. Спустя месяц отец получил из музея ответное письмо и свою фотографию от 1 февраля 1943 года, где были указаны его лагерный номер и дата поступления в концлагерь.

Отец вспоминает: «Начиная с 1965 года у меня установились тесные контакты с директорами этого всемирного музея – Казимежом Смоленем и Ежи Врублевским: мы обменивались письмами и документами. В дальнейшем я трижды побывал в Освенциме: в 1979 году вместе с супругой в год моего 50-летия, второй раз в 1983 году проездом в Чехию к дочери. В 1993 году с делегацией наших полтавских узников Освенцима (20 человек) я в третий раз побывал в этом концлагере. На этот раз мы проживали в номерах гостиницы, где в годы Второй мировой войны размещалось гестапо. Осмотрели все блоки и многие филиалы, встретились с работниками архива и членами администрации

музея, провели конференцию, приобрели литературу на эту тему на польском и русском языках. Бродили по концлагерю в форме узников с номерами, фотографировались. Дирекция музея выделила нам микроавтобус для поездок, и мы вместе с представителем дирекции побывали в Кракове, Катовицах, Ченстохове, Лодзи, Варшаве, Люблине, ознакомились с музеями, памятниками, напоминавшими о геноциде».

Важной вехой в своей жизни в 1995 году отец, как человек, переживший Великую Отечественную войну, считал участие в мемориальных мероприятиях, посвященных 50-летию победы над фашизмом – 9 мая; 50-летию со дня освобождения узников фашизма – 11 апреля; 50-летию со дня освобождения концлагеря смерти Освенцима – 27 января.

Отец вспоминает: «Подготовку к встрече юбилейного 1995 года мы начали еще в 1993 году, когда были установлены связи с музеями в Освенциме, Яд Вашем (Израиль), Бухенвальдом, Дахау, Заксенхаузеном, Равенсбрюком (Германия) и Маутхаузеном (Австрия). К тому времени на учете в нашей организации уже состояли почти 300 бывших узников фашистских концлагерей, в том числе – 44 из Освенцима, 29 из Бухенвальда, 18 из Дахау, 15 из Равенсбрюка.

Для нас, бывших узников Освенцима, 50-летие со дня освобождения явилось особым праздником. Заранее мы получили программу юбилея, приглашения из Освенцима, готовились принять участие во всех запланированных мероприятиях.

Вторым важным событием были подготовка и проведение конференции 11 апреля в ознаменование Международного дня освобождения узников фашистских концлагерей. Нами была подготовлена специальная программа, отпечатаны приглашения и поздравления, подготовлены выступления и другие мероприятия. Встреча состоялась в актовом зале областной администрации, активное участие приняли более 200 бывших узников, выступили руководители области и города, были вручены грамоты, подарки, оказана денежная помощь, устроен торжественный обед. Все мероприятия транслировались по местному телевидению и радио. Праздник был настоящий, искренний и памятный. Следует отметить, что мы ежегодно проводили специальные мероприятия, посвященные этому событию.

Главным юбилейным мероприятием 1995 года стало празднование Дня Победы 9 мая. Наша программа включала более десяти конкретных мероприятий, в том числе участие бывших узников в параде и возложение цветов к памятникам и Вечному огню. Мы, бывшие узники, выступали во многих коллективах, школах и вузах, подготовили специальные стенды, выставки, выступали в печати, по телевидению и радио. У меня сохранились тексты более 10 выступлений. В нашем Полтавском кооперативном институте также были проведены мероприятия, в ходе которых мы наравне с участниками боевых действий и ветеранами войны были награждены грамотами и подарками.

Интервал между юбилейными датами 1995 года был небольшой, это еще раз подтверждает их тесную взаимосвязь. Без победы над фашизмом мы не обрели бы свободу, нас бы, наконец, не реабилитировали. Освенцим, как крупнейшая фабрика смерти, еще многие годы будет нам напоминать о злодеяниях фашистов».

В октябре 1998 года отец принял активное участие в подготовке и проведении празднования 30-летия Полтавского кооперативного института, становлению и развитию которого он посвятил многие годы жизни. Подходил к концу очередной этап его активной трудовой жизни, ибо в 1999 году ему предстояло отметить свое 70-летие.

МОСКВА
1999 – 2018 гг.

В 1999 году отец вышел на пенсию, и родители приняли наше совместное с супругой предложение переехать в Москву. Моя мать родилась в Москве и всегда мечтала вернуться на родину, – этот довод, а также желание родителей быть ближе к сыну и участвовать в воспитании внучки, убедили отца в правильности такого решения.

С переездом в Москву у отца открылось «второе дыхание», он активно занялся общественной работой, продолжая свое многолетнее исследование темы Великой Отечественной войны, Холокоста, восстановления исторической справедливости по отношению к бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей.

Отец часто повторял, что не смог бы пережить всего того, что выпало на его долю, не смог бы сделать свою жизнь интересной, насыщенной и полезной для общества без поддержки своей семьи, своих учителей, своих друзей и просто порядочных людей; всеми ими он очень гордился и каждый раз, знакомясь с новым интересным человеком, был благодарен судьбе. Во всех своих книгах, статьях и интервью отец обязательно с благодарностью упоминал о таких людях. Поэтому, следуя традициям отца, я с удовольствием расскажу о некоторых из них, прежде всего о тех, с кем мне посчастливилось познакомиться лично.

Обосновавшись в Москве, отец познакомился с прекрасными людьми, наполнившими его жизнь глубоким смыслом, новыми планами и незабываемыми событиями.

Одним из них был **Николай Николаевич Дорожинский** – праведник народов мира, бывший малолетний узник, который на протяжении многих лет, являясь Председателем Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, президентом Клуба Праведников Народов мира – граждан России, проводил активную просветительскую работу. Благодаря его подвижнической деятельности, многие бывшие малолетние узники получили возможность продолжать активную общественную жизнь, участвовать в многочисленных гуманитарных мероприятиях, в том числе международных.

Запомнилась их поездка в Берлин в декабре 2005 года на форум примирения «Память и будущее» в связи с 60-летием окончания Второй мировой войны. Члены Российской делегации жертв фашизма возложили цветы к памятнику советским воинам возле Бранденбургских ворот. Побывали на мемориале «Жертвам холокоста».

О чем же задумались ветераны? Снимок сделан в берлинском аэропорту, за несколько минут до посадки на самолет в Москву участников только что завершившегося «круглого стола» в Русском Доме Берлина. Лики россиян, прибывших в Германию для встречи с представителями молодого поколения руководства германских предприятий, использовавших в годы войны труд рабов, выражали разочарование. Долгожданной встречи и разговора не получилось: немецкие предприниматели с бывшими узниками на встречу не явились. Под впечатлением от происшедшего наши ветераны углубились в раздумья и размышле-

О чем же задумались ветераны? Бывшие узники фашизма - жертвы нацизма Н.Н. Дорожинский и А.С. Ванукевич. Декабрь 2005 года. Германия.

ние, сходные с теми, что происходили в «Зале тишины» у Бранденбургских ворот, где каждый человек с благодарностью произносит слова молитвы: «Господь, земля наша лишь маленькое небесное тело в безбрежной вселенной. Наша задача, превратить его в планету, жители которой больше не будут страдать от голода и страха, больше не будут бессмысленно разделены по расе, цвету кожи и мировоззрению. Дай нам мужество и силу, еще сегодня начать это дело, чтобы наши дети и дети наших детей с гордостью могли нести звание «человек».

Подумалось: не со словами ль этой молитвы, прочитанной в «Зале тишины», улетают из Берлина домой Н.Н. Дорожинский и А.С. Ванукевич? Фото Л.К. Синегрибова.

Отец и Н.Н. Дорожинский прониклись друг к другу глубокой симпатией и на протяжении многих лет оставались близкими друзьями. Вместе с другими бывшими малолетними узниками фашистских концлагерей они участвовали во многих незабываемых мемориальных мероприятиях, издали несколько значимых для сохранения историче-

Николай Николаевич Дорожинский, председатель РСБНУ в 1998–2011 годах.

ской памяти книг. Отец ценил в своем друге удачное сочетание таких качеств, как доброта и бережное отношение к окружающим людям, трудолюбие, честность и организаторский талант. Биография Н.Н. Дорожинского заслуживает отдельного повествования и для подрастающего поколения может служить эталоном стойкости, порядочности и человечности.

В 2010 году отец познакомился с **Бениамином Ефроимовичем Ерузалимом**, о просветительской деятельности которого он узнал от бывшего малолетнего узника Захара Захаровича Тарасевича, возглавлявшего Гродненское объединение бывших узников фашистских концлагерей. Они познакомились сначала заочно, по переписке, затем встретились в Москве; я присутствовал при этой и последующих их встречах. Так же, как и на отца, наш гость произвел на меня неизгладимое впечатление своей эрудицией, глубоким погружением в историю и удивительным оптимизмом: он ставил перед собой грандиозные планы и последовательно их реализовывал. При первой встрече Б.Е. Ерузалим рассказал о себе и своей общественной деятельности, а также об идее создания музея истории евреев Гродненщины. Отец с готовностью откликнулся на просьбу предоставить в распоряжение создаваемого музея имеющиеся у него документы, подготовил материалы о своих родителях, уничтоженных фашистами, о своём пребывании в фашистских лагерях смерти, о невероятном спасении и дальнейшей

Внучка А.С. Ванукевича Екатерина, в музее «На Троицкой» в Гродно.

жизни, подарил рукописи, книги и личные вещи для экспозиции музея и получил приглашение приехать на открытие музея.

Благодаря подвижнической деятельности Б.Е. Ерузалима и при финансовой и организационной поддержке группы активистов во главе с Владимиром Львовичем Зуховицким, 24 мая 2012 года в Гродно, в здании одной из красивейших в Европе синагог был открыт музей истории евреев гродненщены, известный также как музей «На Троицкой». Очень приятно, что одна из экспозиций музея посвящена моему отцу. Не случайно, что лейтмотивом моего повествования являются слова Б.Е. Ерузалима о необходимости документирования исторической памяти.

Экспозиция музея посвящена памяти миллионов людей, которые оказались в фашистских концлагерях, а также повествует о гродненцах, рисковавших своей жизнью ради спасения евреев в годы Великой Отечественной войны. Отмечу, что в период немецкой оккупации Гродно синагога находилась в центре еврейского гетто и использовалась нацистами как место сбора евреев перед отправкой в концлагеря и на расстрелы. Из согнанных сюда фашистами 29 тысяч евреев выжили только 180.

Поскольку отец по состоянию здоровья не смог принять участия в церемонии открытия, он просил меня посетить уже открывшийся музей. В начале ноября 2012 года мы с супругой и со своими друзьями Владимиром и Еленой Полозовыми посетили Гродно и музей «На Тро-

Директор музея «На Троицкой» Б.Е. Ерузалим. Гродно, 2012 год.

ицкой». Директор музея Б.Е. Ерузалим и его супруга оказали нам очень теплый прием. Экспозиция музея произвела на нас глубокое эмоциональное впечатление, которое не изгладилось до настоящего времени.

Впечатления от экспозиции музея были дополнены интереснейшим рассказом об истории и культуре города, который мы услышали во время прогулки по улицам Гродно от местного исследователя-краеведа Виктора Юрьевича Саяпина. Для нас было большим сюрпризом, когда, прогуливаясь по улице Городничанской, В.Ю. Саяпин остановился и произнес: «Вот на этом самом месте и находился вход в двухэтажный домик Ванукевичей». Он также передал мне копии архивных материалов, включая фотографии, относящихся к этому дому. Позднее, увидев на фотографии свой родной дом, отец выразил В.Ю. Саяпину искреннюю благодарность.

В завершение рассказа о встрече с Б.Е. Ерузалимом, посвященного символическому возвращению отца в Гродно, приведу отрывок из одного его выступления:

«Жизнь бесконечна, память наша вечна, – эти слова отражают суть человеческого бытия. Но память, не абстрактная, а конкретная живет в сердцах людей на уровне восприятия реально происходящих событий и при бережном их сохранении. Только не фальсифицированная и не навязанная сверху история остается в душах людей, хранится и

Бывший узник Освенцима А.С. Ванукевич с освободителем Освенцима – генералом Василием Яковлевичем Петренко, 2000 год.

передается из поколения в поколение. Уходят из жизни ветераны Великой Отечественной войны, восьмой десяток разменяли малолетние узники фашистских концлагерей, рядом с нами живут Праведники мира и скромные участники боев с фашизмом.

Жизнь каждого из этих людей достойна изучения, их подвиг должен жить в веках. Люди, прошедшие все круги гитлеровского ада, обладают огромным потенциалом идейности и самоотверженности, что так необходимо для воспитания молодого поколения, защиты прав человека, сохранения памяти о трагедии Второй мировой войны, унесшей жизни миллионов людей.».

Мне навсегда запомнилась встреча отца с одним из освободителей концлагеря Освенцим, Героем Советского Союза, генерал-лейтенантом **Василием Яковлевичем Петренко,** которая состоялась в 2000 году на одном из мемориальных мероприятий. В.Я.Петренко согласился коротко переговорить с отцом и позволил мне сделать памятную фотографию.

Отец, долгие годы изучавший историю Великой Отечественной войны, в деталях знал ход операции войск Красной Армии по освобождению крупнейшей нацистской системы концентрационных лагерей Освенцим (Аушвиц-Биркенау), собирал информацию о военачальниках, принимавших участие в этой операции. Одним из них был

Альберт Анатольевич Лиханов, А.С. Ванукевич, В. Ванукевич, 2011 год.

генерал-лейтенант В.Я. Петренко, настоящий патриот своей страны, талантливый военачальник и историк, внесший огромный личный вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне. В послевоенные годы особое внимание он уделял разоблачению фашистской идеологии, доносил до мирового сообщества правду о злодеяниях, которым подвергались узники фашистских концентрационных лагерей. В заключении своей книги «До и после Освенцима» *(Петренко В. До и после Освенцима. – М.: Фонд «Холокост», 2000. – 160 с.; 20 ил. – (Российская б-ка Холокоста))*, изданной в 2000 году, В.Я. Петренко от своего имени и от имени тысяч советских солдат и офицеров, погибших при освобождении узников нацистских концлагерей и гетто, еще раз обратился к живущим ныне поколениям людей: «Злодеяния нацистов никогда не должны быть забыты или прощены. Те, кто отрицает Холокост, существование лагерей смерти и миллионы жертв их узников, защищает прежде всего нацистскую идеологию и практику».

В московский период своей жизни отец восстановил связь с замечательным человеком и писателем, вставшем на защиту прав бывших малолетних узников фашизма, **Альбертом Анатольевичем Лихановым,** основателем и лидером Российского детского фонда.

Знакомство отца с этим замечательным человеком состоялось 21 июня 1988 года, когда возглавляемый А.А. Лихановым Детский фонд собрал в Киеве первый (и единственный) Всесоюзный слёт бывших малолетних узников фашистских концлагерей и учредил Всесоюзный союз бывших малолетних узников.

Последняя по времени встреча состоялась в 2011 году, когда накануне Дня Победы А.А. Лиханов посетил отца, бывшего малолетнего узника концлагеря Освенцим, придавая этому событию особый символический смысл. Я присутствовал на этой встрече и с разрешения А.А. Лиханова сделал памятную фотографию. В последующие годы по поручению отца я неоднократно встречался с А.А. Лихановым в его Фонде, располагавшемся в Москве в Армянском переулке, и приобщился к его литературному творчеству.

С 2012 года у отца установились дружеские отношения с **Леонидом Кирилловичем Синегрибовым**, – человеком, обладающим высочайшими качествами и незаурядными организационным и литературным талантами. В декабре 2011 года на V отчётно-выборной конференции Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей» (РСБНУ) он был избран Председателем этой организации. Познакомившись с биографией и подвижнической деятельностью этого замечательного человека, отец до конца жизни питал к нему искреннюю симпатию и уважение.

Приведу лишь несколько фактов из биографии Л.К. Синегрибова: профессиональный журналист, выпускник Ленинградского государственного университета, главный редактор газеты «Судьба», награждён орденом Дружбы (2003 г.). Будучи ребёнком в годы войны был брошен в гитлеровский концлагерь «Алитус». Его детище – газета «Судьба» – издание Международного союза бывших малолетних узников фашизма, выходит с мая 1993 г. в Улан-Удэ (Республика Бурятия). Взяв в руки прекрасно изданный том «ПРОСТИТЕ НАС... Покаяние со страниц газеты «Судьба» *(Л.К. Синегрибов ПРОСТИТЕ НАС... Покаяние со страниц газеты «Судьба» – Улан-Удэ: Издательство ПАО «Республиканская типография» – 2018. – 352 с.: фото)*, подготовленный Л.К. Синегрибовым, начинаешь осознавать весь масштаб его многолетней кропотливой работы, направленной на сохранение памяти о детских жертвах нацистской идеологии и отстаивание их законных интересов.

В этом кратком очерке я упомянул лишь о нескольких замечательных людях, общением с которыми отец очень гордился. На самом деле в жизни отца, даже в его пенсионный период, всегда сохранялся широкий круг общения, в который входили его сокурсники по «Плехановке», бывшие коллеги по работе в вузах и выпускники Самаркандского и Полтавского кооперативных институтов, соратники по РСБНУ. В своих книгах отец пытался коротко рассказать обо всех интересных людях, повстречавшихся ему на жизненном пути, но даже ему это не вполне удалось.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ В КРАКОВЕ
2005 г.

Важнейшим событием в своей общественной жизни отец считал участие в Международном форуме «Жизнь народу моему», посвященном 60-летию освобождения узников Освенцима, который состоялся в Кракове 26-28 января 2005 года. Он говорил: «Мне выпала честь принять участие в этом историческом Форуме в составе российской делегации, в которую вошли 12 бывших узников Освенцима».

Хорошо помню, как на второй день после возвращения отца из Польши наша семья собралась в полном составе для того, чтобы услышать его рассказ об этом историческом, глубоко тронувшем его событии.

Отец рассказывал: «Краков – бывшая столица Польши, хорошо подготовился к приему большого потока гостей. Город с его прекрасными историческими памятниками спасли от полного разрушения солдаты и офицеры Красной Армии, что мировое сообщество всегда вспоминает и за что чтит память погибших за освобождение Польши 600 тыс. воинов нашей армии.

Расположенная в 70 км от Кракова бывшая «фабрика смерти № 1» Освенцим-Биркенау сегодня живет новой жизнью. Ежегодно Государственный музей Аушвиц-Биркенау посещают свыше миллиона человек. Только на экскурсии еженедельно приезжают учащиеся многих школ Польши, Германии, Чехии и других стран. До сих пор сохранились блоки-музеи концлагеря Освенцим-1, а в Биркенау – Освенцим-2, сохранились руины крематориев и газовых камер, фундаменты бараков, колючая проволока, вышки.

В лагерь и сейчас попадаешь через главные ворота, на которых висят те же циничные фашистские лозунги: «Arbeit macht frei» – «Работа делает свободным» и «Jedem daz seine» – «Каждому свое». Сохранились и платформы, железная дорога, многочисленные вышки, дзоты, колючая проволока под напряжением, рвы с водой.

Все это является вещественными доказательствами зверства фашистов в 1933 - 1945 годах.

Открыл форум президент Польши Александр Квасьневский. Он кратко рассказал о целях и задачах форума, поблагодарил Россию за освобождение Освенцима и сохранение города Кракова от разрушения; лично поблагодарил Президента России В.В. Путина, Президента Израиля М. Кацава за участие, и почтил память погибших солдат, офицеров, узников всех национальностей. Речь А. Квасьневского прерывалась аплодисментами, затем он наградил трех российских офицеров-освободителей государственными наградами Польши.

С яркой речью выступил президент России Владимир Владимирович Путин.

В процессе выступлений президентов на экране показывали отрывки фильмов о Холокосте – геноциде. Эти кадры вызвали слезы у многих участников форума.

На форуме выступили также лауреат Нобелевской премии, бывший узник Освенцима Эли Визель, главные раввины Израиля, Польши, Кракова, председатель оргкомитета форума – Вячеслав Владимирович Кантор.

В этот же день после форума в театре имени Ю. Словацкого вереница машин двинулась в путь на Биркенау (70 км от Кракова). Повсюду по всей трассе была усиленная охрана. Впереди наших автобусов пропустили более 50 легковых автомашин, и только после них ехали гости. Многие местные жители придорожных поселков приветствовали нас.

Вокруг концлагеря Биркенау припарковались более 100 машин, а от них – пешком по снегу до мемориала и временной сцены участ-

На праздновании 60-летия со дня освобождения Освенцима со своими близкими друзьями: Николаем Дорожинским, Иосифом Абковичем и Максом Привлером. Краков, 27 января 2005 года.

ники шли более одного километра. Мы с трудом добрались до этого мемориала, когда уже выступали президенты, другие руководители, бывшие узники. Повсюду почетный караул, звучала траурная музыка. Фотокорреспонденты ловили нас, одетых в форму узников, пришлось всем отвечать на вопросы и раздавать свои визитки.

Траурное шествие закончилось зажиганием свечей и укладкой специальных «мраморных рук» на условных могилах у стен бывших газовых камер и крематориев.

Уезжали мы из Биркенау уже ночью. После ужина в гостинице мы смогли поговорить с Максом Привлером, Семеном Арсеном, Борисом Забарко и бывшими узниками, живущими в Канаде, США, Израиле, Польше, Франции. Проведенный Международный форум «Жизнь народу моему», посвященный 60-летию освобождения «фабрики смерти № 1» Освенцим-Биркенау, войдет в историю человечества как пример единения и сплочения народов мира.

А.С. Ванукевич принимает поздравление от Михаила Антоновича Королёва в день своего 80-летия, 2009 год.

Три дня и три ночи около двух тысяч бывших узников этого лагеря вспоминали и оплакивали его жертв, своих близких и родных. Многие узники встретились впервые спустя 60 лет. Увиденные нами руины крематориев в Биркенау, остова бараков, условные могилы жертв, музей в Освенциме-1 повергли многих в депрессию. Несмотря на снег, туман, мороз народ все шел и шел сюда с внуками или правнуками, на костылях и в инвалидных колясках.

Видимо, такого массового форума уже не будет, ибо уходят последние живые свидетели в мир иной. Однако музей останется как память будущим поколениям. Возникают новые памятники и стелы. Будем помнить всех, кто пал жертвами геноцида и тех, кто отдал свои жизни за освобождение человечества от зверств фашизма».

Мне хорошо запомнился приятный момент, когда, 28 января 2005 года купив в киоске газету на одной из ее страниц увидел фотографию, сделанную накануне в краковском театре имени Ю. Словацкого, во время проведения Международного форума «Жизнь народу моему». На фотографии запечатлен момент, когда отец подошел к мировым лидерам, участвующим в Форуме, и лично поблагодарил их за теплые слова и обещания и в дальнейшем оказывать бывшим узникам концлагерей посильную помощь. Позднее, еще одна фотография отца появилась и в официальном издании Международного форума.

ЗАВЕРШЕНИЕ ИСТОРИИ

2018 г.

Последние годы жизни отец боролся с многочисленными недугами, продолжая, насколько позволяло здоровье, активную общественную жизнь. Ярким событием этого периода стало празднование его 80-летия в декабре 2009 года, которое длилось в течение трех дней. В первый день собрались родственники, второй день был посвящен встрече с близким друзьями: отец был очень рад, что приехал Михаил Антонович Королев, так же как отец, выпускник «Плехановки» 1954 года, прошедший яркий трудовой путь от ассистента кафедры до Начальника Центрального статистического управления СССР. Третий день был отведен для общения и приема поздравлений от выпускников Самаркандского и Полтавского институтов, многие из которых сами уже стали крупными учеными и руководителями ВУЗов. Отец был очень рад приезду и поздравлениям Саиджона Аминова, Виктора и Ольги Карпенко, наиболее успешных и близких своих учеников.

Болезни становились все серьезней, все чаще возникала необходимость в плановых и внеплановых госпитализациях. Но, каждый раз, отправляясь в больницы, отец брал с собой рукописи и дневники, над которыми он работал до последних дней.

Его земная жизнь оборвалась в июле 2018 года. Но все позитивное и жизнеутверждающее, что он привнес в жизнь близких ему людей и в жизни своих многочисленных учеников и последователей, продолжает жить в нашей памяти.

В завершении хочу еще раз прибегнуть к авторитету замечательного писателя А.А. Лиханова, процитировав его глубокий роман «Оглянись на повороте, или Хроника забытого времени»:

«Но зачем я все это написал? В подробностях, в деталях, которые разрушались, рассыпались, отошли? Кому это надо – терпеливо узнавать свидетельства забытого времени? Ведь его заслонили новые эпохи, когда иные люди требовали подчиниться другим правилам.

Но я складывал это повествование из светлых надежд, из засохших лепестков памяти, из непониманий и одолений людей, прикоснувшихся к войне своим детством».

Е.Ю. ШАПОВАЛ

АРХИТЕКТОР ЖИВОЙ ПАМЯТИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК
О ВЛАДИМИРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ
ЛИТВИНОВЕ

ПРОЛОГ
ГОЛОС ИЗ ЗАБВЕНИЯ

«Они шли по нашей земле, но мы не знали их имён. Они умирали в лагерях, но мы не смели о них говорить. Их детство сгорело в печах, но государство ставило на их паспортах штамп «неблагонадёжен»» – из черновиков В.В. Литвинова [1].

В советской иерархии жертв войны существовала негласная градация. На вершине – погибшие на фронте. Ниже – вернувшиеся инвалиды. Ещё ниже – труженики тыла. И на самом дне – те, кто «был в плену» или «оказался в окружении». Для миллионов бывших узников фашизма это означало одно: их существование не вписывалось в официальную картину Победы. Они были людьми «с изломанными судьбами», о которых предпочитали не вспоминать.

В 1945 году была создана система фильтрационных лагерей для репатриантов, фактически приравнявшая бывших военнопленных и гражданских лиц, угнанных на работу в Германию, к «потенциально неблагонадёжным» элементам. По данным историка В.Н. Земскова, речь шла о судьбе около 5 миллионов советских граждан – так называемых перемещённых лиц [16]. Из 5,7 млн советских военнопленных вернулись на родину около 1,8 млн. Остальные погибли или остались за границей. Вернувшихся ждала процедура проверки в системе проверочно-фильтрационных лагерей НКВД. К 2 октября 1945 года таких лагерей насчитывалось 35 [17].

Дети, угнанные в Германию или родившиеся в лагерях, не могли быть «изменниками Родины» по определению. Однако и они попадали под тотальное подозрение. Государство, неспособное защитить своих граждан в годы войны, после войны предпочло «не замечать» эту категорию пострадавших. Как отмечает историк Ю.Н. Арзамаскин, система репатриации была основана «во многом на произволе и вседозволенности» [17].

В отличие, к примеру, от Польши, где Главная комиссия по расследованию гитлеровских преступлений работала непрерывно с 1945 года, в СССР инициатива исходила от частных лиц, а не от государства. Государство долгое время препятствовало её развитию. Потребовались десятилетия, чтобы просто заговорить об этой проблеме.

В.В. Литвинов: «Скорбная фигура малолетнего узника фашизма, возведенная на пьедестал святости, останется навсегда».

Им потребовался свой архивариус. Таким архивариусом стал Владимир Васильевич Литвинов – заслуженный журналист Украины, писатель, исследователь. В некрологе на сайте газеты «Судьба» сказано: *«Украинский журналист и исследователь Владимир Васильевич Литвинов для нас, бывших малолетних узников фашизма, стал тем же, кем был для защитников Брестской крепости Сергей Сергеевич Смирнов»* [1].

КОРНИ
СЕМЕЙНЫЙ НАБАТ

Владимир Литвинов родился в Харькове 12 ноября 1934 г. Войну встретил в предрассветный час на советско-румынской границе, где служил его отец – офицер, впоследствии погибший на фронте. В 1956 году окончил Киевский государственный университет имени Т.Г. Шевченко. Работал в редакциях периодических изданий, в системе ТАСС. Позже удостоился звания Заслуженный журналист Украины [1][10].

Но ключевой биографический факт – судьба старшего брата Валентина. В одном из интервью Литвинов признавался: *«Я знал о войне не по книгам – мой брат Валентин вернулся из лагеря седым в 17 лет. Это была семейная боль, которая стала началом моего пути»* [6]. Брат прошёл через концлагеря Гросс-Розен и Флоссенбюрг [10]. Именно эта кровная травма стала внутренним импульсом.

В 1962 году Литвинов впервые задумался: где документы о детях, угнанных в Германию? Ни в архивах, ни в памяти людей их не было. Он начал собирать свидетельства по крупицам – с Днепропетровской области, своей малой родины. С того момента и до самой смерти он не прекращал поисков: разыскивал бывших узников, записывал их воспоминания, собирал фотографии, письма, документы. Объездил десятки городов, записал более трёх тысяч устных свидетельств [1][6].

Впоследствии, уже в Киеве, его кабинет был заставлен папками с надписями городов: Брянск, Минск, Варшава, Вильнюс. На столе – горы писем, которые он разбирал допоздна, не позволяя себе отложить ни одного. «*Положил себе за правило завершать каждый день работой над письмами*», – признавался он позже [11].

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

1962 – 1985 гг.

В 1966 году, работая в редакции «Рабочей газеты» – полумиллионного издания ЦК Компартии Украины, – Литвинов регулярно публиковал материалы о судьбах угнанных в Германию детей. Это вызвало недовольство партийного руководства. В справке к заседанию Политбюро ЦК Компартии Украины указывалось: «*Неоправданно большое внимание уделяется людям с «изломанными» судьбами, в частности насильственно угнанным гитлеровцами в Германию мирным гражданам, включая несовершеннолетних. Вокруг них создаётся ореол мученичества*» [11].

Он не стал спорить с партийными чиновниками. Он просто перестал ставить подпись под своими материалами – и продолжал печататься. Без гонорара, без надежды на признание, но с чувством, что делает нужное дело. С этого момента его поиски приобрели характер не только журналистского расследования, но и гражданского противостояния.

В те годы даже шепотом говорить о «бывших в плену» было рискованно. Люди меняли фамилии, скрывали биографию, уезжали в другие города, чтобы никто не узнал. Литвинов знал об этом. Он видел, как страх въедается в людей, как они молчат десятилетиями.

В годы застоя Литвинов продолжал работу в «подпольном» режиме – без официальной поддержки, без права на публикации. Важной вехой стала неофициальная встреча в Могилёве в марте 1970 года. Туда съехались 25 бывших узников Освенцима из разных городов СССР. Среди них были братья Савченко, которые вскоре поплатились за «дерзость» собственной свободой – их судили как «антисоветчиков» [11]. Эта встреча стала предтечей будущего движения.

В те годы Литвинов не только собирал документы, но и публиковал книги. В 1960-е вышли его документальные повести «Отчее имя», «Операция «Чёрный дятел»», «Конец «Золотого Альфреда»», «Западня» [10]. Они были посвящены восстановлению чести людей, несправедливо обвинённых в предательстве только за то, что они оказались в плену.

Одновременно он устанавливал контакты с зарубежными коллегами. В 1970 году он познакомился с польским доктором Юзефом Внуком, членом Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше [11]. Внук занимался судьбами 200 тысяч похищенных нацистами польских детей. Литвинов записал его слова: «*Поверьте, они у вас колоссальные... Ни с чем не сравнимые... А вы так долго молчали*» [11]. В отличие от СССР, где Чрезвычайная государственная комиссия была упразднена сразу после войны, в Польше Главная комиссия работала десятилетиями. Этот контраст стал для Литвинова доказательством необходимости системной работы.

ПРОРЫВ

1987 – 1991 гг.

Перестройка открыла новые возможности. Переломный момент наступил в октябре 1987 года. В московской школе № 1137 состоялась встреча детей войны. Литвинов, присутствовавший на ней, составил письмо от их имени. Это письмо, адресованное председателю правления Советского детского фонда имени В.И. Ленина, писателю Альберту Лиханову, стало тем рычагом, который запустил механизм официального признания [1].

Литвинов понимал: разрозненные устные жалобы не имеют силы. Только официальный документ, адресованный высокому лицу, может запустить государственное решение. Письмо поддержали Ролан Быков, Анатолий Собчак, академики Татьяна Заславская и Евгений Велихов – все они были депутатами Верховного Совета СССР [1]. Прочитав письмо, Альберт Лиханов сказал: «*Это не письмо, это крик. Мы обязаны ответить*» [1]. И сразу после этого было принято решение о проведении Всесоюзного слёта бывших малолетних узников фашизма.

В дни подготовки к съезду Литвинов не был уверен в успехе. Слишком долго тема была под запретом, слишком многие боялись даже говорить о своём прошлом. Позже он признавался: «*Я не знал, приедут ли они. И если приедут – поверят ли нам*» [11].

22 июня 1988 года в Большом зале Киевского окружного дома офицеров было душно. Люди входили, оглядывались, узнавали друг друга по номерам, вытатуированным на руках. Некоторые плакали – ещё до того, как кто-то начал говорить. Литвинов стоял у входа, встречал каждого, не зная, поверят ли ему. Приехали около восьмисот страдальцев гитлеровской неволи – посланцы всех регионов СССР, от Калининграда до Камчатки [8].

На этом слёте был учреждён Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей при Советском детском фонде. Председателем совета избрали Леонида Райкова, бывшего малолетнего страдальца в нацистском Освенциме, а ответственным секретарём – Владимира Литвинова [8]. В том же году, 11 апреля, в СССР начали отмечать Международный день освобождения узников фашистских концлагерей – до этого о нём почти не вспоминали [11].

Вслед за этим, в 1990-1991 годах, Литвинов и его соратники добились принятия двух постановлений Совета Министров СССР о льготах бывшим несовершеннолетним узникам (№ 825 от 6 октября 1989 г. и № 814 от 13 августа 1990 г.) [8]. Была создана Межведомственная общественная комиссия по делам бывших узников, которую возглавил Литвинов. В неё вошли представители Госкомтруда, Главархива, КГБ, Минобороны, МИДа, Минюста, ВЦСПС [8]. Литвинов вспоминал: «*Заявления, обращения, жалобы в виде писем, телеграмм, телефонных звонков сыпались, как из рога изобилия*» [11].

Он разворачивал конверт, видел дрожащий почерк, читал о болезнях, о том, что человек «существует на подаяния сельчан». Он знал: за этим письмом – жизнь. Он перечитывал такие письма по нескольку раз, прежде чем решить, что делать. В архиве Литвинова сохранились десятки таких писем. Одно из них: «*Павел Степанович Щукин... Болеет язвой двенадцатиперстной кишки, гепатитом, грыжей, хронической дизентерией. Перенёс обширный инфаркт миокарда. Плохо видит. Сил работать не имеет. Пенсии не получает. Последний раз расписывался в денежной ведомости около тридцати лет назад. Без семьи. Существует на подаяния сельчан*» [11].

В 1991 году, после распада СССР, Литвинов выступил с инициативой сохранить движение. 18 марта 1992 года в Днепропетровске состоялась конференция, на которой был учреждён Международный союз бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ). Председателем стал Николай Махутов, бывший узник фашизма, профессор Московского института машиноведения Российской академии наук, а первым секретарём – Владимир Литвинов [8]. В 1994 году на конференции в Донецке Литвинова избрали председателем Международного движения бывших малолетних узников фашизма пожизненно [11].

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Результатом многолетних поисков стали книги. Центральное место занимает «Поезд из ночи» (первое издание – Киев, 1989, затем переработанное и расширенное – Калуга, 2004) [4]. В аннотации сказано:

«*Документальное повествование... посвящено поиску бывших малолетних узников фашистских концлагерей, рассказывает о том, как удалось выжить детям-невольникам, как сложились их судьбы в нелегкие послевоенные десятилетия*» [4].

В заметках к книге Литвинов признавался: «*Я назвал книгу «Поезд из ночи», потому что эти дети возвращались из тьмы лагерей, но долгие годы продолжали оставаться в ночи забвения. Мне хотелось, чтобы их голоса прозвучали*» [6].

Другая фундаментальная работа – трёхтомная документальная трилогия «Коричневое ожерелье». Её первая книга вышла в Киеве в 1996 году [5]. Позже, в 2001–2006 годах, в издательстве «Абрис» было опубликовано полное, переработанное и дополненное трёхтомное издание [6][10]. В ней Литвинов привлёк богатый фактический материал: свидетельства очевидцев, архивные документы, поисковые карты, результаты историко-социологических исследований.

При этом он честно признавал: «*Мы больше терялись в догадках, чем опирались на прочный фундамент знания истории, демографии войны, статистики потерь. Его, прочного фундамента, тогда у нас просто не существовало*» [13].

Высокую оценку его работе дал писатель Альберт Лиханов: «*Владимир Литвинов – не просто автор художественно-документальных книг... он выступает в качестве «организатора жизненного действа»*» [10]. Председатель Украинского союза узников- жертв нацизма Маркиян Демидов отметил: «*В написанной четверть века назад документальной повести... автор показал, какой труд, какие усилия требуются для оказания помощи одному-единственному человеку. А если руку поддержки протягивают тысячам, десяткам тысяч – какие внутренние энергетические ресурсы требуются тогда!*» [10].

В 2006 году Литвинов был отмечен престижной журналистской премией за фундаментальную разработку проблематики минувшей войны. Полученную премию он перечислил в Фонд социальной поддержки ветеранов журналистики [10].

СЛОВО И ДЕЛО
РОЖДЕНИЕ «СУДЬБЫ»

Книги были написаны. Но для живых людей этого было мало. Нужно было слово, которое звучало бы регулярно. Так родилась газета «Судьба».

Литвинов понимал: чтобы движение стало по-настоящему массовым, нужен голос – газета, которая будет связывать разрозненных людей, публиковать их письма, рассказывать об их судьбах, бороться

за их права. Таким голосом стала газета «Судьба», основанная 15 апреля 1993 года. Свидетельство о регистрации было получено в Москве председателем МСБМУ Н.А. Махутовым [8]. Идея создания газеты принадлежала Литвинову, а её практическим создателем и бессменным редактором стал Леонид Кириллович Синегрибов – бывший малолетний узник концлагеря Алитус [8][9].

Первый номер газеты вышел в мае 1993 года тиражом 20 тысяч экземпляров в Улан-Удэ (Республика Бурятия) и разошёлся за несколько дней [8]. Финансирование первого выпуска осуществлялось на энтузиазме: средства собрали на пленарном заседании в Смоленске, а член Эстонского союза В.А. Смирнов внёс 50 долларов [8]. В своём обращении к читателям в первом номере Литвинов писал: «*Итак, наша «Судьба» – в наших руках. Мы с вами читаем первый номер газеты Международного союза бывших малолетних узников фашизма. Здравствуй, голос МСБМУ!*» [1].

В том же номере, объясняя, чем должна стать газета для движения, он сказал: ««*Судьба» – это не просто газета. Это наша общая исповедь, наша боль и наша надежда*» [6].

Практическая значимость газеты вышла далеко за рамки публицистики. Перечень концлагерей, созданных фашистами на оккупированных территориях СССР, впервые опубликованный в «Судьбе» в 1993 году, впоследствии использовался как официальный документ при начислении компенсаций в Москве, Минске и Киеве. [18]. За годы существования в редакцию поступило более 40 тысяч писем [8]. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил: «*Большой вклад в возрождение духовно-нравственных и культурных традиций России вносит единственная в мире газета жертв нацизма «Судьба»*» [8].

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОДИССЕЯ

Параллельно с издательской и организационной работой Литвинов всё чаще оказывался на международной арене.

В декабре 1997 года в Лондоне состоялась международная конференция по проблемам «нацистского золота», которую называли

«финансовым Нюрнбергом» [13]. В составе украинской делегации в Лондон отправились Литвинов и председатель Украинского союза узников-жертв нацизма М.Д. Демидов. Литвинов выступил с основным докладом, а также сделал сообщение об особенностях поисковой работы в странах СНГ и Балтии [13].

Переговоры о компенсационных выплатах жертвам нацизма из стран Восточной Европы начались в 1999 году и длились больше года – всего двенадцать раундов в Вашингтоне, Бонне и Берлине. Литвинов участвовал в одиннадцати раундах. Он был единственным представителем общественных организаций, кто входил в состав официальных делегаций Беларуси, России и Украины – попеременно [7][13].

В «Дневнике переговорной одиссеи» он зафиксировал драматические моменты. Вот его записи: «*Все наши претензии к Германии основаны на геноциде*»; «*Я хочу, чтобы каждый спросил себя: почему в неволе оказались дети?*»; «*Если не поставим знак равенства между депортированными и перемещёнными, то каждый четвёртый не получит ничего*» [13]. Один из раундов он озаглавил: «*Мелочный, неприличный торг*» [7]. Когда немецкая сторона попыталась сузить круг претендентов, Литвинов заявил: «*Мы не допустим, чтобы нас поссорили. Для нас все узники равны, потому что страдания не измеряются в марках*» [7]. Кульминацией стал седьмой раунд в Берлине в декабре 1999 года, где была названа окончательная сумма – 10 миллиардов дойчмарок [13]. Литвинов отметил: «*Это не компенсация. Это лишь жест признания*» [7].

А после завершения очередного раунда, оставшись один в гостиничном номере, он записывал в дневник не для публикации – для себя. Эти записи из «Дневника переговорной одиссеи» передают состояние человека, который нёс на себе тяжесть чужих надежд:

«Мы опять вынуждены терпеть, ждать, надеяться. Предлагаемые сегодня суммы – мизерные, постыдные, унизительные. Принять их – значит предать тех, кто не дожил. Но если мы не примем – они скажут, что мы сами виноваты. Круг замкнулся. Сил почти нет. Но мы не имеем права отступать – за нами люди, которые верят нам. Они не знают, как мы торгуемся за каждую марку. Им всё равно на цифры – им важно, чтобы их признали людьми. Я должен быть там, где решается их судьба. Иначе зачем всё это было?» [13].

Он честно признавал просчёты: «*Не располагая к началу переговоров достаточно полной и достоверной базой данных о жертвах, мы допустили серьёзный просчёт… примерно 300–350 тысяч жертв не были учтены*» [13].

ИСПЫТАНИЕ УСПЕХОМ
НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И УХОД ИЗ МСБМУ

Указ Президента РФ от 15 октября 1992 года № 1235 о льготах бывшим узникам стал важной победой [19], но появление реальных льгот и выплат создало почву для злоупотреблений. Получило распространение явление «лжеузничества» – когда люди, не имевшие отношения к концлагерям, пытались получить статус жертвы [6].

Для Литвинова эта проблема была нравственной. В своей рубрике «Совет непостороннего» через газету «Судьба» он призывал «*сберечь нравственное здоровье*» движения [6]. Он писал: «*То тут, то там появляются самозванцы, лжеузники… Мы почему-то терпим их, миримся с ними*» [6].

Сам Литвинов никогда не претендовал на материальное возмещение своих усилий. По его словам, это противоречило его «*установочным принципам. По определению*» [10]. И когда он призывал других к бескорыстию, он говорил это не с чужих слов. «*Когда меня спрашивают, что нужно делать, чтобы вылечиться, я отвечаю: работать. Безделье – это смерть*», – писал он в одном из своих обращений к активистам [6].

В «Послании» к конференции в Саратове (2003) он говорил: «*Наша организация приватизирована «попутными» людьми... Выборная должность для отдельных руководителей превратилась в своеобразное «доходное место»*» [11]. Он настаивал: «*Мораль, справедливость – вот то, чего нам так не хватает сегодня. Разрушается корневая система Союза*» [11].

Одновременно Литвинов вступал в публичную полемику с очернителями движения. В 2001 году он написал открытое письмо в издательство «Олма-Пресс», разоблачая клевету профессора В.Г. Сироткина,

назвавшего узников «самозванцами» [12]. Литвинов отвечал: «*Зачем же ради красного словца заниматься распространением заведомо недостоверных сведений, шельмовать, порочить узников? Постыдитесь, профессор!*» [12].

Ещё один эпизод – его статья о фотодилогии Галины Санько «Узники фашизма» и «Через двадцать два года» [10]. Он исследовал историю запрета этого снимка в 1944 году. Тогда снимок, сделанный в освобождённом Петрозаводске, был снят с полосы газеты «Труд» по «идеологическим соображениям» – чтобы не портить отношения с Финляндией. Литвинов назвал это «*микропрологом к идеологическим погромам*» и подчеркнул: ««*Изъятие*» *фотографии стало синонимом «изъятия» из нашей жизни проблем бывших узников фашизма*» [10].

К 2006 году напряжение достигло точки кипения. 26-30 сентября 2006 года в Могилёве прошла Международная встреча. Литвинов сложил с себя полномочия руководителя Рабочего центра МСБМУ в Киеве и члена бюро Центрального совета. В заявлении он отметил: «*Поскольку по соображениям морального порядка не считаю возможным дальнейшее исполнение обязанностей... слагаю с себя полномочия*» [11]. В статье «Эхо могилевской встречи» он объяснил: «*Беспокоят проявления того нравственного нездоровья, которое обнаружилось... в среде узников*» [11].

При этом он подчеркнул, что Международное движение (неформальное объединение, существовавшее с начала 1960-х) остаётся для него главным: «*Движение, выполнив свою миссию объединителя жертв... является сегодня наиболее массовой, консолидированной и вместе с тем наименее подверженной воздействию разрушительных субъективных факторов силой*» [11]. Редактор «Судьбы» Леонид Синегрибов выразил тревогу: «*Боюсь: в ситуации «без Литвинова» Рабочий центр в Киеве свою работу свернет*» [11].

ХРАНИТЕЛИ
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДЕЛА

Литвинов был не одинок. Вокруг него сложился круг соратников, разделявших его убеждения и продолживших дело после его ухода. Альберт Анатольевич Лиханов, председатель Советского детского фонда, и Николай Андреевич Махутов, председатель МСБМУ с 1992 года, стали ключевыми фигурами, без которых движение не могло бы получить ни официального признания, ни организационной преемственности [1][11]. По всей стране – в Брянске, Минске, Самаре, Туле – активисты на местах создавали живую ткань движения, превращая разрозненные свидетельства в общую память [18].

Но были и те, кто работал с Литвиновым бок о бок, видел его не только в минуты триумфа, но и в моменты усталости, сомнений, гнева. Их воспоминания позволяют увидеть Литвинова не как икону, а как живого человека.

Алла Михайловна Дубовик, проработавшая с Литвиновым 23 года, не будучи узницей, впоследствии вспоминала не только о его достижениях. В одном из писем она отметила: «*Он требовал от других того, чего требовал от себя. Это было не всегда легко – иногда он казался слишком жёстким, слишком принципиальным. Но я поняла: он просто не умел по-другому. Он не терпел лжи, не прощал предательства. И при этом сам никогда не просил для себя ничего – ни денег, ни благодарностей, ни отдыха*» [11].

Леонид Кириллович Синегрибов, редактор «Судьбы», говорил о нём: «*Он был человеком, который умел слушать. Парадокс – он не был узником, но боль узников стала его болью. Я видел, как он читает письма – по нескольку раз, перечитывает, вдумывается в каждое слово. И никогда не откладывал на завтра. У него была какая-то одержимость – он верил, что каждое письмо может изменить судьбу*» [8].

Вячеслав Михайлович Николаев, который после смерти Литвинова стал хранителем его могилы и архива, говорил просто: «*Он не был святым. Он мог быть резким, мог сорваться, мог устать до потери сил. Но он никогда не предавал то, во что верил. И если для нас он стал тем же, чем Смирнов для защитников Брестской крепости, то только потому, что сам он никогда не ставил себя выше тех, кому служил. Он строил мост, по которому мы все теперь идём. И этот мост стоит до сих пор*» [9].

После ухода Литвинова движение не исчезло – оно трансформировалось. В 2006 году редактор «Судьбы» Леонид Синегрибов с тре-

вогой писал: «*Боюсь: в ситуации "без Литвинова" Рабочий центр в Киеве свою работу свернет, что может создать новые сложности в Международном и Национальных союзах*» [11]. Спустя годы он с удовлетворением констатировал: «*Отрадно сознавать, что "дело Литвинова" продолжается: Рабочий Центр МСБМУ переместился в Москву. А Улан-Удэ стал столицей не только печатного органа МСБМУ – газеты "Судьба", но и Российского союза БНУ*» [8]. Эти слова – не просто констатация факта, а признание того, что созданная Литвиновым система оказалась жизнеспособной. Она сменила прописку, но сохранила суть: память о жертвах и заботу о живых.

Сегодня газета «Судьба» продолжает выходить, объединяя тысячи людей в России, Беларуси, Украине и других странах. Её архив – 387 дел, переданных на государственное хранение в Государственный архив Республики Бурятия, – стал частью общенационального документального наследия [18]. А Международный общественный историко-просветительский музей-архив «Непокорённые», открытый в Киеве в 2005 году при участии Литвинова, остаётся местом, где школьники и студенты могут прикоснуться к живой истории [14].

Личный архив Литвинова, насчитывающий 196 единиц хранения, находится в Мемориальном комплексе «Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» в Киеве [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
МОСТ МЕЖДУ ЭПОХАМИ

Владимир Васильевич Литвинов ушёл из жизни 16 мая 2010 года. Похоронен на Байковом кладбище в Киеве [1].

Наследие Литвинова многомерно. Он вернул человеческое достоинство сотням тысяч людей, доказав, что они не «предатели», а жертвы. Он добился принятия законов, изменивших жизнь целого поколения. Он показал, что один человек, движимый состраданием и чувством справедливости, может противостоять системе забвения и лжи. И собранное им документальное собрание сохранит память о трагедии малолетних узников фашизма для будущих поколений.

Эту оценку разделяет и действующий председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма, член-корреспондент РАН Николай Андреевич Махутов. Отвечая на вопрос о роли личности в истории движения, Махутов прямо сказал: «*Если бы не ... большая исследовательская работа В.В. Литвинова, возможно, и сегодня не было бы МСБМУ. Во всяком случае, в таком качестве*» [21]. Слова человека, который сам прошёл через ужасы фашистских лагерей и на протяжении десятилетий возглавляет движение, – не просто дань уважения. Это признание того, что без системной, многолетней работы Литвинова по сбору и осмыслению свидетельств узников само движение могло бы не состояться.

Литвинов не был узником. Но именно это позволило ему увидеть проблему целиком, системно, на десятилетия вперёд. Он создал механизм помощи, который продолжает работать сегодня. Он построил мост из писем, книг, газетных страниц. И теперь по этому мосту память переходит от одного поколения к другому.

ЭПИЛОГ

«*Они вышли из ночи. Мы должны не дать им снова уйти в ночь забвения*» – из последнего интервью В.В. Литвинова, опубликованного в «Судьбе» незадолго до его смерти [1].

«*Я не боюсь смерти. Я боюсь, что мои товарищи снова уйдут в небытие, если мы не оставим после себя документы. Поэтому я работаю до последнего вздоха – чтобы их голоса звучали вечно*» [1].

Об авторе

Шаповал Евгений Юрьевич - кандидат исторических наук, начальник отдела информационных архивных технологий Государственного архива Республики Бурятия. Автор более 70 научных публикаций, в том числе 4 сборников документов, 2 справочно-библиографических изданий. Обладатель звания «Лучший архивист - 2015» в Сибирском федеральном округе, звания «Лидер культуры Республики Бурятия - 2015», бронзовый призёр всероссийского конкурса «Лучший архи-

вист России - 2016». Победитель и дипломант всероссийских конкурсов в области архивоведения, документоведения и археографии. Член редколлегии единственного в мире издания жертв нацизма - газеты «Судьба». Специализируется на изучении истории малолетних узников фашизма и сохранении документального наследия о жертвах нацизма.

Электронная почта: ewgen8282@inbox.ru

Список использованных источников и литературы

1. Памяти В.В. Литвинова (12.11.1934 – 16.5.2010) // Газета «Судьба». – URL: https://gazetasudba.ru/news/памяти-в-в-литвинова-12-11-1936-16-5-2010/ (дата обращения: 08.07.2026).

2. Указ Президента РФ от 30.06.1998 № 747 «О награждении орденом Дружбы Литвинова В.В.» // pravo.levonevsky.org. – URL: http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/ukaz/sbor10/text10211.htm (дата обращения: 08.07.2026).

3. Смирнова В.И. Коллекция В.В. Литвинова как источник о трагедии воспитанников детского дома в харьковских Сокольниках в 1941–1943 гг. // Победа – одна на всех: материалы Международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / Витебский государственный университет имени П.М. Машерова; редкол.: Н.В. Захарова (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 128–130.

4. Литвинов В.В. Поезд из ночи [Документальное повествование о малолетних узниках фашистских концлагерей]. – Калуга: Фридгельм, 2004. – 542 с. – ISBN 5-902387-12-4.

5. Литвинов В.В. Коричневое ожерелье: документальный концлагерный детектив времен гитлеровской оккупации и сталинской неволи. – Киев: МП «ИТЕМлтд»: СП «АДЕФ-Украина», 1996. – 456 с.

6. Литвинов В.В. Коричневое ожерелье. В 3-х кн. – Киев: Абрис, 2001–2006.

7. Нас породнила «Судьба» // Газета «Судьба». – URL: https://gazetasudba.ru/пламеннные-страницы-судьбы/нас-породнила-судьба/ (дата обращения: 08.07.2026).

8. Литвинов В.В. Справедливость вопиет из могил // Газета «Судьба». – URL: https://gazetasudba.ru/biographies/справедливость-вопиет-из-могил-часть-1/ (дата обращения: 08.07.2026).

9. Как создавался МСБМУ // Сайт бывших малолетних узников фашизма. – URL: http://deti-uzniki.ru/node=242.stx (дата обращения: 08.07.2026).

10. Весть из Киева. Он ушёл… // Газета «Судьба». – URL: https://gazetasudba.ru/news/весть-из-киева/ (дата обращения: 08.07.2026).

11. Литвинов В.В. Коричневое ожерелье. Вступительная статья и самоинтервью // Газета «Судьба» № 1(101), 2006. – (доступно в архиве газеты).

12. Международная встреча малолетних узников фашизма / Могилев, 2006 г. // Газета «Судьба» № 6(106), 2006. – URL: http://gazetasudba.ru/wp-content/uploads/2019/12/Sudba_2006_105.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

13. Литвинов В.В. Открытое письмо руководителям издательства «Олма-Пресс» // Газета «Судьба» № 1(71), 2001. – (доступно в архиве газеты).

14. Литвинов В.В. Вместо взаимопонимания – разочарование… (Дневник переговорной одиссеи) // Газета «Судьба» № 4(92), 2004. – (доступно в архиве газеты).

15. Нет большего счастья, чем возвращение на Родину (воспоминания бывших узников) // Газета «Судьба» № 4(86), 2001. – (доступно в архиве газеты).

16. Обращение малолетних узников фашизма к немецкой молодёжи // Газета «Судьба» № 6(86), 2005. – (доступно в архиве газеты).

17. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – URL: https://militera.lib.ru/research/zemkov_vn/index.html.

18. Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. – М.: Вече, 2015. – 352 с. – (Военные тайны XX века). – ISBN 978-5-4444-2762-0.

19. Шаповал Е.Ю. Роль Государственного архива Республики Бурятия в сохранении документального наследия о бывших малолетних узниках фашизма // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2024. – № 2. – С. 188–199.

20. Указ Президента РФ от 15.10.1992 № 1235 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания…» // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/.

21. Махутов Н.А. Объектом второй мировой войны были дети…: интервью / беседовала Л. Козлова // Московская немецкая газета. – URL: https://ru.mdz-moskau.eu/obektom-vtoroj-mirovoj-vojnybyli-deti/ (дата обращения: 20.07.2026).

О.М. ВИШНЕВСКИЙ

Я ШЁПОТОМ ПРОИЗНОШУ

СВОЙ ГОРЬКИЙ И БЕСКОНЕЧНО ПЕЧАЛЬНЫЙ ТОСТ

ПИСЬМО В ЦК КПСС.
Ответ бывшего несовершеннолетнего узника фашизма
О.М. Вишневского из Брянска участнику
Великой Отечественной войны
П.Н. Моторову из Уфы

Уважаемый Петр Николаевич!

Получив это письмо, Вы, несомненно, удивитесь, так как никогда и ни по какому поводу не обращались ко мне. Поэтому разрешите объяснить все по порядку.

Вскоре после встречи в Киеве 22 июня 1988 года, оставшейся в сознании и в душе каждого участвовавшего в ней замечательным солнечным праздником, совет нашего Союза получил копию письма, с которым Вы обратились в ЦК КПСС, жалуясь на «потерявших стыд и совесть бывших малолетних узников». Дескать, они, бывшие малолетние узники, «требуют к себе если и не особого, то повышенного внимания, помощи государства, поддержки общества. А по какому, собственно праву? О каких, извините, не оплаченных нами, фронтовиками, долгах идет речь? Когда они возникли? Кто кого, в конце концов, освобождал: мы – узников или узники – нас? Откуда у людей, спасенных Советской Армией, эта вызывающая нескромность, это невообразимое самомнение: видите ли, мы тоже герои? Растолкуйте мне, непонятливому, в чем тут дело».

Поскольку нас, узников, попросили высказать свое отношение к Вашему письму, решено было подготовить не только сугубо общий ответ – в ЦК КПСС, но и ответ сугубо индивидуальный – заявителю. Дабы он знал, что мы думаем по поводу поднятых им вопросов. Индивидуальный ответ поручили составить мне. Что я и сделал, хотя без удовольствия. Ибо, какая радость вспоминать то, от чего до сих пор ноет, болит сердце, лишая покоя и сна, забирая силы и нервы, укорачивая жизнь?

Начать хотел бы с короткой справки о себе. За колючую проволоку попал в возрасте пяти лет, как член семьи подпольщика. Крематорного дыма жирного и черного нахлебался в Майданеке. Из четырех членов нашей семьи ныне на свете остался я один. Воспитывался в спецдетдоме (спецдома создавались для ребятишек, потерявших в войну родителей – то ли на фронте, то ли в подполье, то ли в партизанском лесу). Хлеб свой зарабатывал всегда честно. С малолетства. Зарабатывал тяжко. Потом и кровью. Рубцы мозолей не сходили с ладоней, всегда темных от въевшегося металла. К горлопанам, нахалам, прохвостам и лжецам отношусь с величайшим презрением. И презрение мое активнонаступательное, «негодующее».

До армии вкалывал на заводе – почтовом ящике. Токарил, слесарил, фрезеровал. Моими учителями были высококлассные мастера – люди рабочей косточки. Они же наставляли уму-разуму. Настойчиво повторяли: пуще смерти бойся неправды и малодушной готовности торговать собственной совестью. Даже за большие деньги. Наказ этот запомнил на всю жизнь.

Оказавшись в армии, свыше четырех месяцев провел на целине (Павлодарская область, 1956 год). На уборке зерновых был помощником комбайнера, на подъеме зяби – трактористом (знай себе, дергаешь веревку или трос, чтобы вовремя поднимались или опускались лемеха плуга). Конечно, далеко не всем, с кем призывался в армию, повезло так, как мне. Иные сложили голову в Венгрии. Иные попали в Корею, во Вьетнам, а позже – в Чехословакию, Афганистан, в африканские страны. Их, между прочим, (говорю о призывавшихся в армию вместе со мной) вспоминали столь же редко и неохотно, как и нас, узников. А почему? Да потому, что власть была виновата перед ними, только не хотела признаваться в этом.

Скажите откровенно: часто ли Вы думали о нас, узниках, прежде? Наверняка нет. Потому что в Советском Союзе не принято было думать о ребятишках-концлагерниках. Нас как бы не существовало в реальной жизни. Номинально, чисто внешне. Ведь согласиться с тем, что мы существовали, значило представить страну в невыгодном, дурном свете. А мы, привыкшие и приученные к тому, что государственная витрина всегда должна выглядеть о'кей, без единого пятнышка, пуще смерти боялись этого. Так что сами понимаете...

Известно, что важнейшей обязанностью государства, подвергшегося агрессии (сошлемся хотя бы на действующую во всем мире 4-ю Гаагскую конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.), является защита мирного населения от агрессора. Известны и неписаные пращуровские нормы поведения на сей счет. Испокон веков высшее свое предназначение воины видели в том, чтобы отстаивать родной очаг, оборонять отечество, уберегать от расправы и поругания женщин, детей, стариков, сохранять им жизнь.

Вы, Петр Николаевич, пишите, что являетесь боевым офицером. Указываете, что имеете награды, что на войне были от звонка до звон-

ка. Почему же ни Вы, ни Ваши товарищи, ни Красная Армия в целом не защитили, не спасли нас тогда, в горьком и тяжком сорок первом? Почему бросили на произвол судьбы, а по сути – сдали врагу?

Согласен, не все в истории минувшей войны просто и однозначно. Нельзя не учитывать и так называемых объективных причин, и так называемых привходящих обстоятельств. Мы с вами наслышаны (и не только наслышаны) о них. Например, о царивших в стране шапкозакидательских настроениях накануне катастрофы, о поспешных, неумелых и в конечном итоге преступных действиях родного правительства, бессмысленно подставившего под страшный и беспощадный удар врага собственную армию. Но в данном случае я веду речь о другом.

Воин земли русской, если случалось, что он не мог, не в состоянии был защитить отчую землю, оградить ее от посягательств супостата, уберечь от неволи, от насилия чадушек-детушек, женщин-сестричек, бабушек-дедушек, страдал, казнился душой, каялся, замаливал свой великий грех перед людьми и Богом в церквях и монастырях. А Вы? Вы стыдите и обвиняете. И кого? Нас, сопливых концлагерников, как будто не страна, не ее армия, а мы сами виноваты в том, что оказались за колючей проволокой концлагерей. Странно, непонятно это. Или Вы не согласны со мной?

На встрече в Киеве приводился такой факт (пример). Из каждых десяти брошенных в бараки Майданека и Освенцима ребятишек – моих сверстников и земляков, девять были уничтожены, превратились в крематорский пепел, которым удобряли поля для выращивания высокосортной овощной продукции, и лишь один уцелел, остался в живых. Вдумаемся в леденящий мозги душу смысл сказанного. Из каждых десяти детей девять уничтожались и сжигались. Безжалостно, без разбора!

Разумеется, в трагедии ребятишек в первую очередь повинны гитлеровские изверги. Будь они прокляты и на этом и на том свете. Но разве нет никакой вины в случившемся и тех взрослых дядь и теть из нашего дорогого отечества, которые допустили возможность жуткого фашистского пиршества за столом с изысканными витаминными кушаньями?

Знакомый фронтовик, знавший о каннибальской статистике уничтожения детей в Майданеке и Освенциме, сказал у нас на собрании: «Простите, милые чадушки. Не уберегли мы вас, хоть и бились с лютым врагом не на живот, а на смерть. Простите, если можете».

По-моему, это реакция нормального человека. С трепетной душой. С талантом совести. Всю правду о минувшей войне мы не знаем. И, наверно, никогда не узнаем. Многие существенные подробности стерлись в памяти, потускнели с годами, многие документальные свидетельства бесследно исчезли или были сознательно уничтожены. Тем не менее, уверен в одном: люди с обостренным нравственным чувством ни за что и ни при каких обстоятельствах не простят правителям СССР их пренебрежения к личному горю граждан. К трагедии народа. К потерям, которым несть числа.

Я долго размышлял над тем, что означала для народа, для страны, для всех нас гибель девяти из каждых десяти оказавшихся в замкнутом концлагерном пространстве детишек. Причем, не просто детишек, а – юных граждан. Членов семей патриотов. Малышек с ответственным отношением к себе и к другим. Здесь можно заметить, что «просто так» в концлагерь не попадали. Это право нужно было «заслужить». Прежде всего, борьбой с оккупантами. Недаром детишек из семей партизан и подпольщиков фашисты называли «политическими противниками рейха». И соответствующим образом относились к ним. Так вот вывод, к которому я пришел, весьма неутешителен. В концлагерях погибла, как мне кажется, лучшая, наиболее активная, сознательная и неравнодушная часть нашей молодежи – подрастающего поколения.

А страна научилась жить без них. Будто и не ощущая, что ее ранили в самое сердце. Но кто знает: может, вся наша история пошла бы по другому пути, если бы они, погибшие, остались в живых.

Да, Петр Николаевич, Вы освободили меня из гитлеровского плена, спасли от гибели, от уничтожения. Что верно, то верно. Я восхищен совершенным Вами воинским подвигом и бесконечно благодарен за него. Но будем помнить и о том, что из каждого десятка моих товарищей-солагерников девять навечно остались там, на чужбине, на капустных и морковных делянках и грядках, превратились в пепел, в тлен, удобрения, смешались с землей. Они и песен своих не допели, и

взрослых дел своих не совершили, и любви своей не дождались, и рода своего не продолжили. Я, их ровесник, чувствую огромную невольную вину перед ними, как будто отнял у них право жить на свете. Дышать, творить, видеть солнце, воспитывать детей и внуков. Что же должны испытывать взрослые, не сумевшие помочь, оградить, отвести беду!

Да, Ваш вклад в Победу неоценим. Как и вклад каждого бойца и командира Красной Армии. Этого также никто не отрицает, и никогда не будет отрицать. Но ведь и мы, жители оккупированных территорий, в том числе желторотая пацанва, не отсиживались по погребам и подвалам, ожидая, когда нас освободят. По призыву вождя в вооруженную борьбу с оккупантами включились мои родители, мой старший брат. Выбранную нами дорогу прошли до конца. Даже во время карательных экспедиций, отстав от партизан, продолжали маневрировать, кружить по лесу, чем приковывали к себе значительные силы врага. Подобное было и в концлагерях, где нас охраняли солдаты из отборных эсэсовских частей. Естественно, на фронт их не отправляли. Значит, и в неволе мы помогали родной армии. Так что Ваше замечание насчет нескромности узников (тоже мне нашлись герои!) некорректно, неуместно и глубоко оскорбительно.

Да, лично у меня все в жизни сложилось нормально. Получил образование, приобрел инженерную специальность. Являясь военным пенсионером, продолжаю трудиться «на гражданке». Материально более или менее обеспечен. Занимаю с семьей благоустроенную квартиру. Собрал обширную библиотеку – фамильную гордость. В общем, серьезных жалоб нет. Но ведь подавляющее большинство моих товарищей по несчастью не имеют, и никогда уже не будут иметь того, чем располагаю я. Жертвы царивших в государстве и обществе диких предубеждений (раз был в гитлеровском концлагере – значит, изменник, немецкий прихвостень и шпион), – они остались на обочине жизни, а то и на ее задворках, так и не реализовав себя как личности. 94 процента узников (пользуюсь данными социологического исследования, проведенного нами в конце восьмидесятых) – без образования. Многие по причинам чисто психологическим и медицинским – без семьи. Каждая третья-четвертая женщина – без детей. Почти все узники испытывают материальные трудности, а некоторые – лишения. Разлажена эмоциональная сфера. Почти у всех проблемы со здоровьем (сердце, желудок, легкие, почки, печень). Средняя продолжительность жизни узников ниже, чем прочих граждан. Задумайтесь, Петр Николаевич, над всем этим.

Помнится, в 1960 году, вскоре после окончания Саратовского училища химических войск, я, находясь в командировке в Москве, показал принимавшему меня в медицинской службе тыла Вооруженных Сил СССР майору, невесть каким образом сохранившийся среди личных бумаг, список ребят-узников, которых перед отправкой на Родину лечили (восстанавливали) в эвакогоспитале № 275, находившемся в польском городе Згеж.

– Ну и что? – повертев в руках документ, скучающе спросил майор. – Что вы хотите?

– Как что?! – воскликнул я, пораженный недогадливостью майора. – Эти исторические странички нужно передать в военно-медицинский музей.

– А зачем?

Майора явно не интересовал список. Зато его интересовало другое: почему я, узник Майданека, остался в живых, тогда как большинство моих товарищей погибли?

Признаюсь: чтение Вашего, Петр Николаевич, письма вызвало в душе те же чувства (горечи, боли, досады), которые владели мною тогда, во время беседы с майором в Москве. Только в гораздо более острой форме. Ведь твердолобый и бездушный майор лишь возражал, когда я предложил использовать в музее сохранившиеся документы. Вяло, пассивно этому сопротивлялся. Вы же активно наступаете, ищите сторонников, пытаетесь вызвать возмущение нами других. Мол, смотрите, какие они, эти узники.

Между тем осуждать нужно не нас, а тех, кто вопреки законам логики, морали и трезвому расчету вовлек нас в борьбу с оккупантами, а после, использовав, выкинул за ненадобностью на помойку. Оказавшись в лапах врага, мы оказались вне заботы и внимания Родины. От нас отвернулись, нас постарались поскорее забыть, нас позорно предали. О какой же «пламенной любви» к властям можно после этого говорить?! Смешно.

К сожалению, советским руководителям – отцам нации и государства – было чуждо христианское сострадание к сирым, больным и несчастным. Даже когда им напоминали об их долге, они притворялись, что ничего не понимают. А что, если бы также повели себя в годы войны наши родители, наши старшие братья и сёстры? Что было бы тогда?

Молчите?.. То-то и оно. Так что вопрос об оплате долгов бывшим узникам не надуманный, а продиктованный самой жизнью. Он должен быть решен ради торжества исторической справедливости. И, конечно, ради милосердия к пострадавшим.

Наше фактическое участие в борьбе с наглым завоевателем, в изгнании его с родной земли доказано нашими делами, нашими жизнями, нашей кровью. Поэтому мы, никогда не смиримся с пренебрежительным отношением к себе, с нарушением норм справедливости и морали, с торгашеским подходом к определению того, чьи заслуги перед Родиной важнее и весомее. Будем помнить: жить в концлагере или в гестаповском застенке под неотступным страхом пыток, под страхом пыток или казни, куда труднее, чем просто погибнуть. Даже на поле боя. Или Вы и с этим не согласны?

Как мы знаем, в сердце бессмертного Тиля пепел сожженного инквизицией отца стучал и днем и ночью. Стучал всегда. Тиль боролся за счастье своего народа. И силы его крепли.

Я спрашиваю себя: неужели пепел тысяч сожженных юных граждан из СССР никогда не будет стучать в сердца их соотечественников? Неужели он останется лишь отвлеченным понятием?

Впрочем, это уже патетика. А она, мне кажется, органически чужда Вам. В самых разных ее проявлениях.

Я, молча, поднимаю чарку в память обо всех погибших в годы войны. И шепотом произношу свой тост. Бесконечно горький и невыразимо печальный.

Чокаться, Петр Николаевич, естественно, не будем.

Письмо передано в редакцию газеты «Судьба» вдовой О.М. Вишневского – Валентиной Дмитриевной Вишневской.
Газета «Судьба», 26 ноября 1996 года.

Н.А. МАХУТОВ
Л.К. СИНЕГРИБОВ

НАШИ НАДЕЖДЫ

В МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ФАШИЗМА

Ежегодно, во второе воскресенье сентября, в России и других странах мира по традиции проводят траурные общественные акции, панихиды и другие мероприятия в память о десятках миллионов людей, погибших в годы Второй мировой войны. В этот день с глубокой скорбью и горечью вспоминают не только солдат, отдавших жизни, защищая Родину, но и мирное население, тяжко пострадавшее от нацистов во время войны. Принято посещать памятники, мемориалы, кладбища (во многих странах в этот день принято ухаживать за безымянными, заброшенными могилами), а также проводить приуроченные к этому скорбному дню выставки и экскурсии. Символом «чёрных» дней жизни малолетних узников фашистских концлагерей стала фотография, опубликованная газетой «Судьба» в августе 2001 г.

«В кадре трофейной пленки, снятой эсэсовским кинооператором для истории «тысячелетнего рейха», запечатлена женщина, выходящая из вагона, с полуторагодовалой девочкой на руках. – Комментирует фотоснимок киевлянка А.М. Стрижкова. – Я до сих пор не знаю, кто была эта женщина: может быть, мать? Или просто узница? По номеру в архиве Музея Освенцим-Бжезинка установлено, что эта девочка была я, Аня. Съёмка происходила 4 декабря 1943 года, накануне зловещего сеанса забора донорской детской крови. Не смущаясь, что кровь славянских детей «неарийская», фашистская «медицина» брала ее у детей не стесняясь. Но девочка выжила. Весной 45-го с группой освобождённых советских ребятишек Аню привезли в Киев.

– Из вагона на перрон вокзала меня вынесли на руках. – Продолжила свой нелёгкий рассказ Анна Михайловна – медсестра, сопровождавшая малышей из концлагеря, подтвердила, что у меня шесть раз брали кровь и что дети в бараке Освенцима звали меня Аней. Моими приемными родителями стали Анисия Петровна Зазимко и Михаил Андреевич Коваль. После войны я часто болела и мне несколько раз вливали кровь. И донором всегда была моя украинская приёмная мама».

О зловещем, смертоносном влиянии германского фашизма на свои личные судьбы на страницах потрясающего спецвыпуска

Стрижкова Аня Освенцим, 4 декабря 1943 года. Документальный кадр трофейной плёнки, снятой эсэсовским кинооператором для истории «тысячелетнего рейха»

«Судьбы» также поведали в тот раз члены Украинского союза узников – жертв нацизма Е.А. Черкун из Никополя, В.В. Коваль, председатель областного отделения УСУЖН из Запорожья, Семён Подольский, председатель областного отделения УСУЖН из Львова, И.А. Шамрай, председатель областного отделения УСУЖН из Одессы, Н.П. Овчаренко и Б.Я. Калашников из Харькова, Г.В. Скрыпник из Тореза (Донецкая область), В.А. Лобан-Царюк из г. Ровны, А.Г. Балутин, председатель областного и городского отделения УСУЖН из Николаева,

Г.Б. Бахтиева, председатель отделения УСУЖН из Севастополя, А.М. Соболев, председатель областного отделения УСУЖН (г. Сумы).

Как сложились судьбы этих людей? Как они, бывшие малолетние узники – граждане некогда дружественной нам страны, живут сегодня. Наконец, жива ли та же невольное дитя-донор, жертва фашизма, ставшая печальным символом чудовищных преступлений нацизма против советского народа, киевлянка А.М. Стрижкова? Этого сегодня уже не узнать. Жизнь бывших узников – в Украине – тайна за семью печатями.

Горько сознавать, но связь украинцев с россиянами, с кем в годы войны выживали в одних фашистских бараках и делили одни нары, прервана. Газета «Судьба» в Украине стала недоступной, не доставляется в эту страну со времён Майдана. Это двадцать лет назад узники Украины поддерживали, жертвуя даже гривной, читали и распространяли свою газету в каждом городе огромной страны, в каждом районе. Сегодня единственное в мире издание жертв нацизма, издаваемое самими узниками в российской глубинке, в Бурятии с 1993 года, исключено из подписных каталогов Украны, информация о газете изъята из сайтов сетевых СМИ некогда дружественной нам страны. И не только на Украине. Распространению «Судьбы» также препятствуют власти Армении и Молдовы, Литвы, Латвии, Эстонии. Даже в Польше и Словакии, традиционно благосклонных к газете жертв в силу общеславянского, антибандеровского менталитета, распространение «Судьбы» сегодня не приветствуется. Порой даже кажется, что чёрные, горестные дни жизни Международного союза бывших малолетних узников фашизма и его газеты, объединивших совсем недавно сотни тысяч невинных страдальцев гитлеровской неволи – граждан новых независимых государств, созданных на территории СССР, безмерны и бесконечны.

А между тем на той же Украине ещё живы тысячи бывших страдальцев гитлеровской неволи, свидетелей и очевидцев жутких преступлений германской военщины против украинского советского народа и его детей. Живы и продолжают действовать организации антифашистов в Болгарии, в странах Балтии.

Невозможно замолчать правду о геноциде советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг .Не скрыть от новых поколений и горестных судеб миллионов советских людей!

Редакция газеты «Судьба» – издания Международного союза бывших малолетних узников фашизма

СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ!

Призыв россиян, выживших и уцелевших в геноциде советского народа в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, к бывшим узникам фашизма - жертвам нацизма – гражданам Украины, Европы и мира.

В этот 2026 год для нас, малолетних узников фашизма, Международный день 85-летней памяти жертв фашизма стал особым, каждый раз воскрешающим в сердце незабываемые дни, недели, месяцы и годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. И в их чреде есть две памятные даты:

– 22 июня 1941 года, когда объявление по радио о начале вооруженного агрессивного нападения фашистской Германии на нашу Родину прервало наше мирное детство;

– 9 мая 1945 года, когда над рейхстагом Третьего Рейха в Берлине развивался флаг Великой Победы после подписания в Карлхорсте четырьмя государствами-победителями (СССР, США, Великобритания, Франция) акта о безоговорочной капитуляции той же, но поверженной фашистской Германии.

Высшей исторической справедливостью в 2026 году отмечается и 80-летие окончания работы Нюрнбергского международного трибунала, сурово осудившего политическое, военное и экономическое руководство Германии за преступления против человечества и человечности. В период Великой Отечественной войны в числе общих потерь СССР в 27 млн человек было около 4 млн наших детей; из них 2,5 млн – в концлагерях, гетто, тюрьмах и других местах прину-

дительного содержания на оккупированных территориях. А ведь эти детские смерти в фашистской неволе превышают по своей численности суммарные потери воевавших тогда США, Великобритании, Франции, Италии, Финляндии, Австрии.

Международный союз бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ) с момента своего образования 22 июня 1988 г. в Киеве настаивал на том, чтобы в этих преступлениях была выведена особая категория как их часть – преступления против детей и детства, самой безвинной и незащищенной доли человечества и человечности. Прошли десятилетия после начала войны, Победы и справедливой казни гитлеровских, нацистских и фашистских преступников. Прошли исторические конференции в Ялте, Потсдаме, определившие в значительной степени судьбы послевоенного мира под наблюдением Организации Объединенных Наций. Но прочный и устойчивый мир, обретенный в 1945 г., так и не наступил. Появились новые претенденты на мировое господство – империалисты и милитаристы коллективного Запада – НАТО во главе с США. И вновь громыхали войны и десятки военных конфликтов. Вновь гибли мирные люди не только под пулями, бомбами и снарядами, но и под напалмом и смертоносным дефолиантом «агент оранж», боеприпасами с «обедненным ураном» в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Сирии, Ливии, Югославии, секторе Газа, Ливане. Фашизм и нацизм в новом облике с ударными отрядами Украины вновь направили свои усилия против России, стремясь нанести ей, как и в ушедшем XX веке, стратегическое поражение. Вновь и вновь тысячи и сотни детей гибнут прямо в детских садах, школах, колледжах, на пляжах, на спортивных мероприятиях. Вновь забыты решения и рекомендации Женевской конференции, Лиги наций и ООН о защите детей воюющими сторонами.

Для нас, малолетних узников фашизма, очень важен факт специального международного учета потерь детских жизней среди общечеловеческих потерь. Этот учет мы сможем представить как обвинение зачинщикам войн и военных конфликтов в геноциде детей на новом «Суде народов». Наши книги, музеи, памятные доски, мемориальные комплексы, международные антифашистские форумы прошлых лет

На Поклонной горе у мемориального комплекса «Трагедия народов»

в новых экспозициях открытых в 2026 г. в Москве в «Музее памяти», музее «Непокоренные», издании единственной в мире газеты малолетних узников «Судьба», несут подрастающим поколениям детей жестокую правду о преступности взрослых – кучки политиков, военных, экономистов, промышленников, идеологов военного решения бессмысленных устремлений к однополярному миру прибыли и наживы, не останавливаясь перед смертью своих и чужих детей.

Нас, жертв германского фашизма, уже мало на этом свете, но мы ещё живы! И мы обязаны сделать многое. В эти критические дни второй половины 2026 года, в Международный день памяти жертв фашизма, мы призываем недоброжелателей мира остановиться! Побед и победителей в новых войнах может уже и не быть, а может случиться одна – Третья мировая война с повторением миллионов Хиросим и Нагасаки, с концом человеческой цивилизации на Земле. Давайте проводить диалоги о человечности, «круглые столы», симпозиумы, семинары, шире использовать опыт жертв войн и насилия в средствах массовой информации.

Пресс-конференция в ИТАР ТАСС

Хочется надеяться, что новая тройка великих государств – Китай, Россия, США, как и 80 лет назад, объединятся и наметят новый этап мирного развития жизни на Земле. Здесь и без идущих и новых войн много других, мирных опасностей и забот – потребуется напряженный труд миллиардов людей на целые столетия.

Наши внуки и правнуки, дети их детей будут благодарны живущим сегодня за новое видение мира!

Председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма, руководитель московского Рабочего центра МСБМУ, сопредседатель международного Антифашистского форума (Москва. 1995-2025 гг.), член-корреспондент Российской академии наук
Н.А. МАХУТОВ

Председатель Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей», редактор издания МСБМУ – газеты «Судьба»
Л.К. СИНЕГРИБОВ

Президиум Международного антифашистского форума

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. ВАНУКЕВИЧ

Освенцим в судьбе моего отца
Листая страницы жизни 3
От автора 4
Начало истории. 1929 - 1945 гг. 6
Гродно. 1945 - 1949 гг. 16
Москва. 1949 - 1954 гг. 19
Душанбе. 1954 - 1963 гг. 22
Самарканд. 1963 - 1977 гг. 28
Полтава. 1977 - 1999 гг. 31
Москва. 1999 - 2018 гг. 37
Международный Форум в Кракове. 2005 г. 46
Завершение истории. 2018 г. 50

Е.Ю. ШАПОВАЛ

Архитектор живой памяти
Документальный очерк
о Владимире Васильевиче Литвинове 51
Пролог. Голос из забвения 52
Корни. Семейный набат 53
Запретная тема. 1962 – 1985 гг. 54
Прорыв. 1987 – 1991 гг. 55
Документальное свидетельство 57
Слово и дело. Рождение «Судьбы» 58
Международная одиссея 59
Испытание успехом. Нравственное здоровье и уход
из МСБМУ 61
Хранители. Преемственность дела 62
Заключение. Мост между эпохами 64
Эпилог 65

О.М. ВИШНЕВСКИЙ

Я шёпотом произношу свой горький
и бесконечно печальный тост
Письмо в ЦК КПСС.
Ответ бывшего несовершеннолетнего узника фашизма
О.М. Вишневского из Брянска участнику
Великой Отечественной войны П.Н. Моторову из Уфы 69

Н.А. МАХУТОВ
Л.К. СИНЕГРИБОВ

Наши надежды
в Международный день памяти жертв фашизма 77

Повести о человечности

АЛЬМАНАХ «СУДЬБЫ»
ИЗ СЕРИИ «БЫВШИЕ УЗНИКИ ФАШИЗМА ЗАГОВОРИЛИ»

№ 1

ISBN: 978-5-91407-488-0
9 785914 074880

Формат 70 × 100 1/12. Бумага мелованная. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Тираж 200 экз. Заказ №171.

Отпечатано в АО «Республиканская типография»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13/2